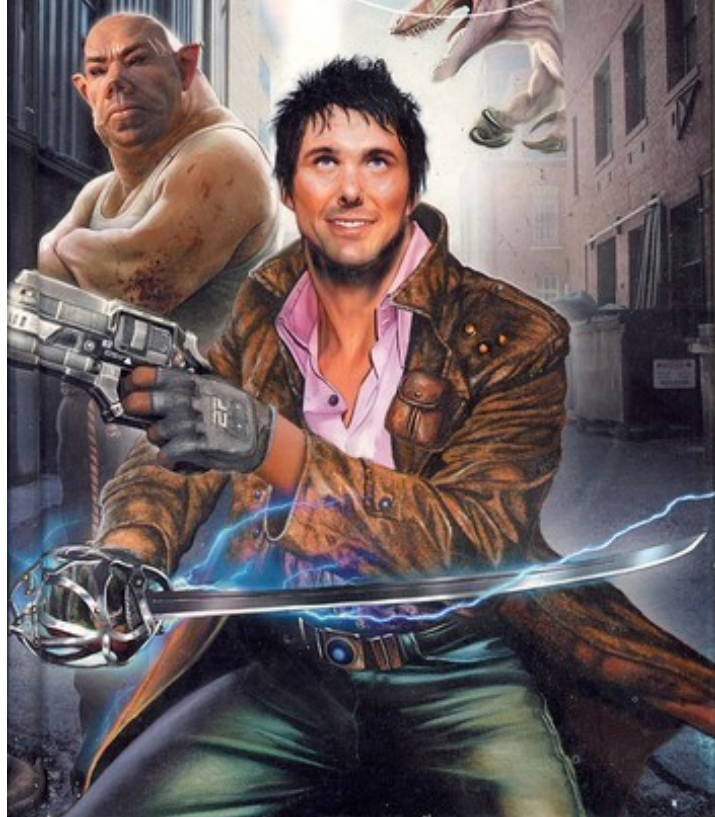

Сергей Зайцев

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ВРАГУ

РУССКИЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
БОЕВИК

Сергей Григорьевич Зайцев

Паломничество к Врагу

Серия «Неистребимый», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121186

Паломничество к врагу: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-25753-9

Аннотация

Служащим Почтовой Корпорации Новы-2, столичной планеты-мегаполиса, быть непросто. В этом убедился курьер Мастон Никс, когда высадился с ценным грузом на Шелте – планете звездных гангстеров, входящей в черный список неблагонадежных клиентов. Никто толком не знал, что именно там творится, и Никсу предстояло выяснить это на собственной шкуре. Однако он не собирался сдаваться без боя: ведь наказание за утрату груза Почтовой Корпорации одно – смерть.

Содержание

Часть первая	4
1. Шелта	4
2. Чужой	29
3. Западня	53
4. Город	73
5. Испытание	105
6. Замена	125
7. Дос и Ко	140
8. Урок повиновения	157
9. Найм	173
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Сергей Зайцев

Паломничество к Врагу

Часть первая

Ловушки судьбы

1. Шелта

Тишину раннего утра расплескал тяжкий грохот.

Огромная стальная махина медленно оторвалась от стартовой площадки и устремила ввысь по антигравитационному колодцу, постепенно набирая скорость. Очередной удар дюз, рев остроклювых огненных стрел, вырвавшихся на свободу на несколько мгновений... В нормальных условиях судно любого класса выбрасывалось за пределы атмосферы с помощью антигравитационного колодца, а затем в ход шел коллапс-контур Деймона, позволяющий совершать подпространственные прыжки, но в этот раз кораблю приходилось помогать маломощному антигравитационному полю, с трудом толкающему его вверх, — устаревшее минимум на столетие, изношенное оборудование космопорта функционировало едва ли на тридцать — сорок процентов... И космолай-

нер тяжело громыхал обоймой планетарных двигателей, прочищая давно не использовавшиеся дюзы реактивной тяги, а стартовые площадки вязли и тонули в ослепительном свете пламенных выбросов. Предутренний сумрак бежал прочь, боязливо хоронясь в тени отдаленных служебных построек, в поисках спасения глубоко нырял в отводной колодец. И зря. Там-то его и ждало самое пекло.

...Человека, замершего перед таможенным входом космопорта, тоже терзал страх. Даже не страх – беспредельный ужас. Он смотрел вслед стартовавшему звездному гиганту, на сетчатке глаз плясало отраженное бешеное пламя, но он ничего не видел. Его мозг был захвачен картиной иной реальности. И в этой жуткой разрушительной картине, в самый неожиданный момент развернувшейся перед его глазами как наяву, в картине вторгшегося в его мозг разрушительнейшего видения, пламени тоже хватало. Даже слишком.

* * *

Чудовищно огромным пылающим шаром рок катился над черной равниной.

Если бы он вдруг отбросил тень, то наверняка накрыл бы этим темным покрывалом любой город, каким бы громадным он ни был. Он нес смерть, и форма, которую он принял, излучала беспощадный багровый свет. Все, чего он касался на поверхности земли, на многие тысячи шагов обращалось

в пепел, неосязаемый прах. Под неумолимым движением смерти, от запредельного давления звездного жара, испускавшего зловещим светилом, вскипала сама земля, вскипала и содрогалась неистовыми струями магматических гейзеров. Каверны взрывов, словно чудовищные пасти, с громовыми ударами выплевывали раскаленный воздух и плазму, еще недавно бывшую живой земной плотью... Многоголовый стон стоял над землей... Неукротимое бешенство разбушевавшихся воздушных потоков рвало атмосферу в клочья, и грохот их столкновения разносился далеко вокруг, опережая зону тотального разрушения на десятки километров...

Смерть текла над планетой, подавляя всякое воображение проявленной мощью. Необъятный огненный вал, от края до края горизонта, приближался к одинокой человеческой фигурке, потерявшей среди просторов бескрайней черной равнины, поглощая все, что оказывалось на его пути...

Смерть надвигалась неумолимо, и не было от нее спасения...

* * *

Так же внезапно, как и появилось, проклятое видение исчезло, выбив из головы все мысли до единой, — как и раньше, в прошлые посещения. Ошалевшее от неожиданного и сильного испуга сердце гулко билось в груди, лицо холодила липкая испарина. Как и раньше...

Я судорожно перевел дыхание. Всего ничтожная доля секунды, но так ярко... и так страшно. Зло его задери! И как всегда, в самый неподходящий момент, – монопластовое покрытие под ногами, как и воздух перед космопортом, еще вибрировало после взлета пассажирского космолайнера «Войер», доставившего меня на Шелту, а мысли все еще были заняты Нори, проводившей меня до космопорта и распрощавшейся со мной, кажется, навсегда, когда в голове словно полыхнуло... И я снова, в который злосчастный раз (уже девятый, не меньше), как бы перенесшись в другое измерение, увидел всю эту жуть с красным светилем смерти в главной роли. Я не знал, почему я это вижу. Может быть, внезапное помрачение рассудка вызывало этот ужас из неизведанных глубин подсознания, пытаюсь меня о чем-то предупредить, но я не знал, как это понимать, а гадать я не любил. Более того – я не желал снова безрезультатно трепать нервы, размышляя об этом явлении. Так можно и свихнуться. А если я не желал о чем-то думать, мне это обычно удавалось. Зачатков знания Мобра вполне хватало для столь простой операции – очищения сознания, и едва меня выбросило из тисков кошмара, как я тут же очистил разум от разрушительного видения, успокоив сердце и вернув дыханию нормальный ритм. Затем, словно вор, удирающий с места преступления, кинул на плечо ремень небольшой кожаной сумки с личными вещами, резко подхватил с пола свой чемоданчик посыльного, толкнул массивные двери космопорта и стремительно вошел

в таможенный зал.

И, удивленный, замер.

Впечатление было таким, что я попал не туда, куда следовало. Зал был абсолютно пуст. Причем пуст настолько давно, что в слое пыли, покрывавшем стойки таможенного барьера, можно было копать грядки и сажать капусту. При взгляде на такое безобразие сразу возникала мысль: а есть ли здесь вообще кто-нибудь живой, не говоря уже об отсутствующих таможенниках?

Недоуменно хмыкнув, я беспрепятственно миновал стойки таможни и вошел в зал ожидания. Предчувствие не подвело, картина запустения здесь была та же.

Пришлось снова притормозить и внимательно осмотреться. Профессиональная привычка, срабатывавшая сразу же, как только я оказывался один на незнакомой планете. Несмотря на год службы в Почтовой Корпорации Новы-2, на Шелту мне попадать еще не доводилось, и первые же впечатления от увиденного меня совсем не обрадовали. Надо заметить, не без оснований: огромная пластобетонная коробка зала ожидания местного космопорта, с высоченным потолком метров под десять, удивительно смахивала на здоровенный могильный склеп, да еще безнадежно запущенный без надлежащего ухода. Длинную стену справа, через равные промежутки, прорезали многочисленные окна, – несмотря на их ширину, свет сквозь них проходил с трудом, так как окна тоже покрывал солидный серый слой мелкой вездесущей

пыли. Половину левой стены закрывала шеренга кассовых кабинок, а за ними шла вереница однотипных дверей, ведущих в служебные помещения. Одна кабинка, кстати, свети-лась изнутри.

Ну и ну...

На дальнем конце «склепа» виднелся выход, ведущий, как я привычно предположил по имеющимся аналогиям, к транспортной стоянке, откуда можно было бы добраться до ближайшего населенного пункта.

Закончив осмотр, я встряхнулся и разгладил гримасу неудовольствия на лице. Ладно, не вечно же мне торчать истуканом на одном месте, пора и обстановку выяснить. При-знав мысль вполне здравой, я не спеша двинулся к той самой одинокой кабинке, подававшей хоть какие-то признаки жизни среди этого заброшенного «кладбища».

Шаги гулко разносились по огромному пустому помеще-нию, непоседливое эхо россыпью резиновых мячей металось между стен. Несмотря на общий бардак, дорожка к кассе все же была немного расчищена, что указывало на признаки жи-вого присутствия. Я покачал головой – не космопорт, а одно название. Где стандартный набор из магазинов, складов, ре-монтных мастерских, борделей, игорных домов, пивных ба-ров – всего того, что составляет кипучую, не затихающую ни днем ни ночью жизнь обычного космопорта? Куда это все подевалось? Лично я ничего снаружи не заметил, когда входил в этот «склеп» (кроме пары полуразвалившихся от старости

портальных кранов для обслуживания грузовых кораблей и десятка голых стартовых площадок, которые с определенной натяжкой можно было назвать действующими). Да и внутри ничего похожего не обнаружилось. Исходя из информации, имеющейся у меня на Шелту, можно было предположить, что это местечко окажется не слишком веселым, но не до такой же уныло устрашающей степени. Особенно неестественным казалось отсутствие людей – ни обслуживающего персонала, ни пассажиров – кроме меня, одного-единственного.

Что ж, все это, конечно, странно, но явных признаков непосредственной опасности для моей персоны пока не просматривалось, поэтому можно было мысленно вернуться к тому печальному событию, которое произошло всего несколько минут назад. Если быть точнее – к девушке, с которой мне пришлось сейчас расстаться. Ох Нори, Нори, и зачем ты встретила на пути моей одинокой души, жаждущей попасть в сети женской ласки и близости... Машинально переставляя ноги, я отстранено улыбнулся. Прощаясь, Нори с Тавеллы крепко поцеловала меня – в первый и последний раз, что для меня явилось неожиданным и очень приятным сюрпризом. А затем с чуть смущенной улыбкой, не сказав больше ни слова, одним стремительным движением развернулась на низких каблучках, и всего через пару десятков шагов ее стройная фигурка в элегантном светло-кремовом брючном костюме исчезла за поворотом полупрозрачно-

го пластикового коридора, ведущего к пассажирскому лифту космолайнера, который и унес ее в бездонное брюхо корабля. И пока я смотрел вслед Нори, меня не оставляло смутное ощущение безвозвратно упускаемого счастья, а внутри копилась непонятная пустота. Увы, увy... Если бы не необходимая пересадка на Шелте, наши пути не разошлись бы так скоро... По крайней мере, не в этот день.

Минуту спустя огромная махина корабля плавно стартовала, разгоняемая полем гравитационного колодца, затем врубилась реактивная тяга (кто не спрятался, капитан не виноват), и...

...И это проклятое видение встряхнуло меня не хуже электрического разряда, возвращая с небес на землю.

И все действительно кончилось.

Я удрученно вздохнул. Когда-нибудь, подумал я без всякой надежды, обязательно побываю там, на Тавелле, в родном мире моей спутницы. Легкий полет фантазии – и никаких конкретных обещаний самому себе. Банально как мир... Спohватившись, что распустил свои чувства дальше некуда, я выругался и внутренне ожесточился. Какого Зла, в конце-то концов! Я ведь никогда слишком не обольщался на счет Нори – вряд ли обыкновенный посыльный без родословной значил для нее больше, чем случайный знакомый, которым я, кстати, и был. Нори же происходила из старинного аристократического рода, правящего ее миром. Это чувствовалось во всем – и в ее безупречных манерах, и в уверен-

ном, полном внутреннего достоинства поведении в любых ситуациях, во властных нотках, часто проскальзывающих в ее голосе, даже в том, как она высмеивала все, что попадалось ей на глаза, – едко, тонко и с изрядным цинизмом. Это был своего рода стиль, от которого она не отступала ни на шаг. Полный самоконтроль.

Честно говоря, после перечисленных выше достоинств моей попутчицы меня вдруг запоздало удивило: как она могла меня так увлечь за эти дни вопреки логике? Это было словно какое-то наваждение, колдовство, от которого я сумел очнуться только сейчас... Подобные женщины не были предназначены для таких, как я, и я твердо знал об этом с самого начала нашего знакомства. Оставалось только теряться в догадках, почему она обратила на меня внимание. И этот утешительный поцелуй на прощание, словно прощение всех грехов прошлой и будущей жизни... Впрочем, не исключено, что именно он и вернул меня в мир действительности. Словно она отпустила меня... Ведьма. Соблазнительная и обворожительная ведьма. И весьма умная, когда узнаешь ее поближе...

Обнаружив, что уже стою перед кассой, я постарался выбросить мысли о Нори из головы. Хватит, прошло и забыто.

За прозрачным пластиком кабины, перед информационной панелью, в удобном на вид кресле сидел кассир (какой сюрприз, первая живая душа в этом небом забытом месте!), худой и нескладный парень с несуразно вытянутым книзу

лицом. Сидел и бесстрастно рассматривал меня выпуклыми рыбьими глазами. Такое же архаичное приложение к космопорту, как и все остальное вокруг. Не помню уже, где и когда я видел последний раз кассира «живьем». Автоматическое обслуживание было куда удобнее, но... привередничать не приходилось. Я подумал, что парень наверняка будет рад случаю поболтать, – судя по толщине пыли на пластике кабины, клиенты в космопорт давно уже не заходили.

– Привет, – доброжелательно начал я. – Как у нас насчет ближайшего корабля до Элти?

– Прибудет через восемь часов, – бесцветным голосом сообщил кассир, не проявляя никакой видимой радости. – Будем делать заявку?

– Обязательно, – заверил я, – Кстати, что за корабль? Надеюсь, не грузовик?

– Десять эталонов.

Я хмыкнул, глядя на этого типа с веселым удивлением. Похоже, его вежливость от скуки покрылась таким же слоем пыли, как и все вокруг. Затем мысленно считал требуемую сумму с банкоса в банкоприемник кассы – личные данные при этом, как обычно, ввелись автоматически. Но если что будет не так, кассир мне обязательно сообщит.

– Порядок, – проговорил кассир, глядя на свой экран. Лицо этого жеребца печального образа на секунду оживилось, когда счет на его экране подскочил на десять единиц, но тут его пальцы побежали по клавиатуре, и он потерял ко мне вся-

кий интерес.

Я задумчиво поскреб подбородок, в который раз, с небезосновательным сомнением, окидывая взглядом этот совершенно дурацкий космопорт. Все-таки странно здесь все как-то было... Какая-то карикатура на действительность. Безвкусные декорации к бездарному спектаклю. Ну ладно, с билетом вопрос вроде как решен, теперь достаточно было проидентифицировать мою личность на корабле по именному банкосчетчику, и я окажусь внутри. Осталась только маленькая загвоздка: где бы мне спокойно посидеть и перекусить, пока не кончится вынужденное ожидание, а?

Желудок, кстати, уже начинал посылать позывные – на корабле у меня голова слишком была занята Нори, чтобы нормально питаться, и я, честно говоря, не помнил, когда ел последний раз. Восемь часов, конечно, срок не смертельный, но вполне достаточный, чтобы к его концу начать пускать слюни, глядя на свои кожаные ботинки.

– Послушай, приятель... – Я снова взглянул на чересчур «занятого» кассира, решив, что ничего с ним не случится, если я потревожу его еще раз. – Я понимаю, что это не входит в твои обязанности, но не мог бы ты подсказать...

– К сожалению, выдавать справки в мои обязанности входит, – равнодушно перебил кассир. – Информатор неисправен. Итак, чем интересуемся?

– Завтрак и гипертранслятор. Где это можно найти?

– Гипертранслятор – в хранилище. Это в конце зала перед

выходом, направо. Завтрак – только в Городе. Сам понимаешь, нет смысла держать ресторан в космопорте ради пассажиров, прибывающих не чаще одного-двух раз в неделю.

– Да ну! Так часто? – я приподнял бровь, впрочем, не слишком-то удивленный.

– Сразу на выходе находится стоянка челноков, – невозможно продолжал кассир, проигнорировав мою реплику. – Это единственный способ попасть в Город, если нет собственного средства передвижения. До Города тридцать километров.

– Благодарю.

Повернувшись к нему спиной, я с усмешкой направился в другой конец длинного зала, нацелившись на темный прямоугольник входа в хранилище. Своеобразное чувство юмора у этого парня – «если нет собственного средства передвижения». Какие проблемы, сейчас вот из кармана достану и поеду.

Мимо со скоростью шага проплывали ряды пыльных, обветшавших от времени кресел, выстроившихся вдоль стен, словно шеренги уволенных в запас солдат. Очень древнее здание. Выглядит, скорее, не как космопорт, а как крепость неких первопоселенцев, планировавших выдерживать многочисленные осады противников. Ему, наверное, лет сто, если не больше...

Стоило мне об этом подумать, как случайная ассоциация с возрастом здания тут же подключила информацию,

имплантированную мне в мозг специальным биокомпьютерным устройством в отделе межпланетных пересылок Почтовой Корпорации Новы-2, где я, как ранее упоминал, работал около года.

И кое-что мне сразу стало ясно.

Как оказалось, чтобы понять окружавшее меня могильное запустение, достаточно было заглянуть в прошлое Шелты. Именно столетие назад здесь произошло страшное и трагичное событие – все заселенные районы планеты вдруг, практически одновременно, охватил чудовищный мор неизвестного происхождения, мгновенно выкосивший девять десятых численности населения и затем прекратившийся так же неожиданно, как и начался. Эксперты Галактической Федерации Миров, прибывшие на место трагедии, обнаружили около девяти тысяч трупов людей, умерших словно от внезапной остановки сердца, – и никаких следов загадочной болезни. Именно с тех пор жизнь на Шелте пришла в полный упадок: оставшиеся в живых, почему-то единодушно посчитав космические перелеты причиной трагедии и панически боясь подхватить таким образом новую заразу из Внеземелья, прекратили всякие связи с внешним миром. Предложенная при этом материальная помощь Федерации была отвергнута, а затем Шелта вообще официально вышла из ее состава, из-за чего Совет, в общем-то, не слишком огорчился – во-первых, Шелта находилась на периферии Федерации, а во-вторых, ничего особо ценного на ней в ту пору еще не

было обнаружено. Кроме этого зловещего мора.

Со временем, этим универсальным лекарем, страх шелтян перед внешним миром ослаб, и примерно около десяти галактических межлет назад космопорт снова был открыт. Да только с тех пор история с Шелтой обросла множеством самых неправдоподобных слухов и легенд, засияв ореолом недоброй славы у путешественников. Особенно у граждан Федерации, в силу традиций подозрительно относившихся к любому миру, в Федерацию не входившему и на который соответственно федеральные законы не распространялись. Поэтому забвение продолжилось, но теперь уже со стороны цивилизованного мира...

Такие вот дела.

Подобные знания пополнялись у меня перед каждой поездкой, так как иметь краткую информацию о планетах, расположенных на пути следования или прилегающих к нему, входило в мои обязанности. Таким образом Почтовая Корпорация прежде всего заботилась о транспортируемых ею грузах клиентов – посыльный должен иметь представление о неприятностях, которые его поджидают в случае возникновения внештатных ситуаций, например поломки корабля, в том или ином месте, чтобы предусмотрительно избегать их. Дополнительной страховкой служило оружие – легкий пистолет-излучатель марки «макс» под левой подмышкой и парализатор «сон» под правой. И на этом забота о своих служащих исчерпывалась, дальше я должен был рассчитывать

на собственное везение. А вот о невезении Почтовая Корпорация предусмотрительно позаботилась тоже, и довольно своеобразно. При этой мысли я невесело усмехнулся, нащупав пальцами вживленный в правую мочку уха крошечный твердый шарик, способный, несмотря на столь незначительные размеры, распылить меня на атомы. Официальное название – страховщик, но коллеги по службе как только ни пытались его окрестить, изощряясь в доморощенном остроумии. Например, думателем – от принципа: «Думай, прежде чем сделать что-либо, противоречащее уставу Корпорации». Или смертельным ублюдком – демонстрируя свое презрение пополам с ненавистью. Еще – соглядатаем, средством от бессонницы и хронического недержания, вспыльчивым малым, торопыгой, спящим попутчиком и так далее. Я – когда как, по настроению. Но в основном, с должным уважением относиться к тому, что могло мне принести смерть, чаще употреблял последнее название – спящий попутчик...

Надо признать, что до сих пор мне везло. Перевозимый мной чемоданчик из особого, не поддающегося почти никаким разрушениям материала благополучно преодолел со мной две трети пути к тому моменту, когда я появился на Шелте. Здесь по плану Почтовой Корпорации я должен был пересесть на корабль, следующий до Элти, а там уже отправиться на Искарин-9 – конечную цель путешествия...

Надоело мне все это до смерти. Вся эта треклятая работа без отдыха, все это бесконечное снование с планеты на пла-

нету без всякой надежды на перерыв... Самое обидное – сам виноват. Если бы знал, когда устраивался на эту работу, что она окажется натуральным рабством, прикрытым официальными понятиями, то не пришлось бы сейчас расплачиваться за свое невежество. Трудись, пчелка, трудись.

Миновав длинный зал ожидания, я наконец шагнул в хранилище. И остановился, присвистнув от удивления.

На первый взгляд картина запустения была здесь еще плачевнее, чем в предыдущем помещении, но, несмотря на все тот же слой пыли толщиной в палец, покрывавшей выстроившиеся вдоль стен длинные ряды камер хранения, на их дверцах горели зеленые огоньки. Так-так, цивилизация на Шелте еще не окончательно пришла в упадок, если местные власти нашли ресурсы для подключения камер, которыми никто не пользовался. Или это свидетельствовало о новом экономическом подъеме? Ладно, в данный момент это было не важно. Гипертранслятор я отыскал в углу справа – огромный старомодный прямоугольный ящик из серого пластика с несколькими информационными экранами и клавиатурой на выступающей из корпуса горизонтальной панели.

Сумка мне особенно не мешала, поэтому я поставил на пол только чемоданчик, быстро отстучал запрос и принялся ждать.

Через минуту на экране гипертранслятора высветилось несколько мутноватых строк... Зло тебя задери! Я стер пыль с экрана ладонью и старательно отряхнул руки. Теперь види-

мость стала лучше. Так... Всего лишь требование о предварительной оплате. Странно, что пришлось ждать так долго...

Я скормил гипертранслятору эталон и повторил запрос.

Еще через минуту, необходимую для прохождения сигнала до Новы-2 и обратно, я начал нервничать – экран связи оставался пустым. Пальцы безотчетно коснулись мочки уха со спящим попутчиком – дурные предчувствия не замедлили появиться.

Прошла еще минута.

Затем другая.

Медленно, но верно я переходил в состояние мрачной грозовой тучи. Сигнала все еще не было. Сигнала, единственная задача которого – перевести отсчет времени во взрывателе попутчика на ноль.

Еще через несколько минут мучительного ожидания мне стало ясно, что сигнала не будет, и на меня накатил удушливый, липкий страх, от которого бросает то в холод, то в жар и учащенно колотится сердце. Это чувство мне было хорошо знакомо, как и любому посыльному. Теперь, если через трое суток я не появлюсь на Элти, спящий «проснется», и заряд взрывчатки (какое-то там точно дозированное специзлучение, чтоб, не дай небо, не пострадали окружающие) разнесет мой мозг на атомы. Почтовая Корпорация применяла подобные меры предосторожности против возможного побега посыльных с ценным грузом, доверенным ей клиентами

для пересылки. И отмечаться по графику следовало неукоснительно.

Я сбросил с плеча на пол враз отяжелевшую кожаную сумку, присел на чемоданчик, стараясь унять противную дрожь в ногах, и тщательно перебрал в уме все свои действия...

Изъяна не было.

Все было правильно.

Как и всегда.

Я вскочил и снова набрал код связи с Почтовой Корпорацией, но ответом, как и прежде, было молчание.

Силы Зла, что же было не так? Где я допустил ошибку? Я ведь прекрасно помнил, что мне было предписано произвести пересадку на Шелте! На Шелте... Я вдруг засомневался. Так ли это? А вдруг я действительно что-то напутал? Шелта ведь не входит в систему обслуживания Галактической Федерации Миров, в отличие от Элти и Искарiona-9 – дальнейших пунктов следования...

Я снова выругался. Пока еще мысленно, но до засорения воздуха громкими неприличными словами и словосочетаниями было уже рукой подать.

Да нет, не может быть. Маршрут кодируется перед отправкой прямо в мозг посыльного, и разбуди его среди ночи – он отбарабанит его тебе, как свое имя...

От неожиданного озарения я даже рассмеялся. Словно гора с плеч свалилась. Пламя ада, надо же быть таким болваном! Дело в том, что почти во всех мирах, которые мне при-

ходилось посещать, я настолько привык к безотказно работающей технике, что другими категориями и не мыслил, буквально впитав в себя этот шаблон. И, столкнувшись с таким бесподобным явлением, как Шелта, просто попал в мысленный тупик.

Гипертранслятор всего-навсего был неисправен.

Презрительно фыркнув, я поднялся с чемоданчика и набрал другой код Корпорации. Если бы он сейчас сработал, не обошлось бы без крупного штрафа, так как угодил бы я напрямую в апартаменты своего шефа – начальника отдела межпланетных пересылок, жутко не любившего, когда его беспокоили по пустякам, отнимая драгоценное время и деньги. Главное – деньги. Передачи сообщений по гипертранслятору стоили недешево, и на всякий случай я попытался на ходу придумать пару объяснений, которые оправдали бы эту связь. Но распинаться не пришлось – гипертранслятор молчал как рыба.

Пожав плечами, я задумался. Реле времени взрывателя рассчитано на пять междутков. Двое прошло в полете до Шелты, в запасе осталось еще трое. Не так уж и мало, если принять во внимание, что полет до Элти длится всего полтора междутка, а корабль, на котором я смогу улететь, прибудет через восемь часов. На всякие непредвиденные «если», о которых я предпочитал не слишком задумываться, но благоразумно учитывал их, оставалось чуть больше суток. Шансы были неплохие – два против одного, что я успею отметить-

ся на Элти и сумею тем самым обезвредить взрыватель на очередной безопасный цикл. Если, конечно, не смогу найти гипертранслятор еще раньше – в Городе, дорогу к которому мне любезно объяснил рыбоглазый кассир. Местные, кстати, его так и величали, с большой буквы – Город. Потому что это был единственный Город на Шелте, оставшийся после мора, город, в котором обитали потомки уцелевших колонистов.

Что ж, я собирался туда в любом случае. Попробую подстрелить двух «птах» одним выстрелом – найти гипертранслятор и перекусить. Восемь часов – вполне достаточный срок, чтобы смотаться туда и обратно.

Вопреки инструкции всегда и всюду носить чемоданчик с собой, я решил все-таки оставить его в хранилище. Элементарный расчет – во время посещения незнакомого Города руки лучше держать свободными. Незачем лишний раз привлекать этим чемоданчиком к себе внимание. Тем более что сохранность здесь, в хранилище, я смогу ему обеспечить наилучшим образом. Неделю назад мне удалось приобрести у одного подозрительного типа с Кассионии за кругленькую сумму приборчик, исполняющий роль «ну очень злого охранника». Выглядел он как невзрачный металлический коробок и легко умещался на ладони, но таил в себе большую опасность для воря. Я его окрестил «сторожевым псом».

Первой в пыльную пасть ближайшей камеры хранения отправилась кожаная сумка с личными вещами, вслед за ней

чемоданчик. Прицепив «пса» к его боку молекулярной присоской, я щелкнул пальцами, активизируя прибор звуковым кодом. «Сторожевой пес» мгновенно окутал чемодан дымчатым силовым полем, напоминающим своим видом сиреневую предгрозовую тучку. Изобразив на лице мерзопакостную ухмылку «отрицательного героя», я отступил на шаг, выудил за неимением лучшего из нагрудного кармана куртки носовой платок, смял его в комок и швырнул в «тучку». Силовое поле мгновенно огрызнулось яркой вспышкой пламени, отшвырнув обратно жалкие паленые лохмотья. Порядок! На всякий случай я пару раз щелкнул пальцами, отключая и включая защиту, и, убедившись, что «пес» послушно подчиняется командам, позволил себе довольно улыбнуться. Просто жаль будет грабителя, который вздумает «придаться» моему чемоданчику «ноги». Можно было даже не закрывать дверцу камеры на электронный замок, но вряд ли стоило лишний раз привлекать внимание...

Покончив с этим делом, я вернулся к кассиру.

Рыбоглазый был на месте и по-прежнему упорно что-то высматривал на своем экране внутри кассы. Нет, это просто смешно. Может, надеялся, что ему свалится в банкоматчик еще десяток эталонов, но на этот раз бесхозных, чтобы можно было их прикарманить? Впрочем, его заботы – не мое дело, каждый развлекается, как умеет.

– Еще один вопрос, приятель. В Городе гипертрансляторы имеются?

Он поднял свои выпуклые, без единого проблеска мысли глаза, и мне на мгновение почему-то стало жутковато, когда эти глаза остановились на моем лице. Было в них что-то... нечеловеческое, что ли.

– А что там с гипертранслятором в хранилище, что-то не так?

– Да никаких проблем, всего лишь не функционирует, – не без сарказма сообщил я.

– Проклятие галтов, – бесстрастно проговорил кассир, очевидно, делая попытку продемонстрировать свое возмущение по поводу неработоспособности аппарата. – Тогда тебе придется податься в Город.

– Вот и я о том же, – любезно кивнул я. – Благодарю за подсказку.

Болван.

Я отправился к выходу. Итак, чем быстрее я прикончу своих «пташек», тем раньше вздохну свободнее. Все-таки в такой переплет я попал впервые и, надо признать, жутко нервничал, несмотря на внешнее спокойствие и жалкий сарказм.

Утро за дверьми космопорта было уже в полном разгаре, если можно было назвать утром вид с унылым серым небом без всякого живого проблеска местного светила. Похоже, у главного местного погодного божества было сегодня такое же скверное настроение, как и у меня, раз оно не потрудилось привести небо в «божеский» вид.

Напротив выхода из космопорта действительно располагалась небольшая стоянка с десятком древних обшарпанных колымаг неопределенной расцветки, оборудованных воздушной подушкой и наверняка запрограммированных на один-единственный маршрут. Нет, обслуживание здесь высотой все-таки не блистало. Как и природа – красотой, отметил я тут же, глядя за челноки – мощные лилово-красные кусты высотой в человеческий рост с листьями, в каждый из которых я мог закутаться, как в одеяло, окаймляли стоянку почти со всех сторон, теряясь, в свою очередь, на фоне здоровенных темно-серых деревьев, вздымавшихся плотной мрачной стеной примерно в километре от космопорта. Пустынно и тихо, как... как на кладбище. У меня невольно вырвался нервный смешок от такого сравнения. Вот уж точно, тихо, как на кладбище, или как в этом бетонном склепе, из которого я только что выбрался. Не видно ни зверья, ни птиц. Даже какое-нибудь зловредное насекомое мной не заинтересовалось. Мертвая зона. Не люблю я таких местечек, ох не люблю. Так и жди от подобной природы какой-нибудь неожиданной пакости.

С минуту я с вялым любопытством разглядывал унылые окрестности, а когда снова опустил взгляд на транспортную стоянку, то чуть не подскочил от неожиданности – в одном из челноков преспокойно устраивалось какое-то существо из чужих, высоченное, полностью закутанное в голубой меховой плащ, с серой, вытянутой вперед мордой, отдаленно на-

поминавшей крысиную.

Силы Зла! Я готов был поклясться, что секунду назад на стоянке никого не было! Этот тип словно возник из воздуха!

Не долго думая, я поспешил к челноку. Вполне могло оказаться, что эта колымага была единственной, которая была способна передвигаться, и я не хотел ее упустить. Возникала, правда, небольшая проблема – я не мог сесть в нее без согласия уже оккупировавшего ее чужого, но ничего не поделаешь – право первого свято соблюдалось на всех цивилизованных мирах известного космоса. Хорошо хоть то, что ксенофобией я никогда не страдал – напротив, существа иных рас всегда вызывали во мне любопытство, так что мне нетрудно было настроиться на этого «парня» потенциально дружески. Хорошее внутреннее расположение никогда не помешает, если собираешься контактировать с чужим, – ведь среди них нередко попадались эмпаты, способные моментально разложить все твои эмоции, а то и мысли, «по полочкам». Бывает, стоит только мелькнуть какой-нибудь негативной мыслишке на «чужой» счет – и жди неприятностей... И ни в коем случае не улыбаться – может быть воспринято как угрожающий оскал...

Остановившись в двух шагах от челнока, я открыл рот и с максимально серьезной миной выпалил:

– Одну минуту, приятель! Не возражаешь, если я составлю тебе компанию до Города? Мне просто необходимо попасть туда как можно быстрее, а другие машины что-то не

ВЫЗЫВАЮТ ДОВЕ...

2. Чужой

Еще шаг – и последнее слово замерло на языке, а пальцы, взявшиеся за дверцу челнока, к ней и приросли. Намертво.

Нет, вы не подумайте, чужой не сделал ничего особенного – он просто кивнул, выражая свое согласие, кивнул молча, вполне мирно, и снова замер как статуя. Но, честно говоря, если бы он приказал мне убратся, я бы сделал это так же молча, как он меня принял. Да еще поблагодарил бы его за это. Потому что при ближайшем рассмотрении облика этой тва... Ух, чуть не вырвалось... Язык мой – враг мой, а вдруг эта образи... гм... телепат, в общем? Короче, у меня по спине, от шеи до копчика, непрерывно забегали ледяные мурашки.

Дело было даже не во взгляде, брошенном на чужого, а в ощущении силы, обрушившейся на меня вблизи этого существа ушатом холодной воды на голову. Ощущение было мощным, внезапным и шокирующим. Этот тип был опасен. Крайне опасен, судя по его внешнему облику, по незримым волнам, пропитавшим воздух вокруг него.

Но тут я вспомнил, что человек – это ведь звучит гордо, хотя в данный момент, скорее, ощущал себя не человеком, а человечком, и, не желая поддаваться инстинктивному страху, поглубже вдохнул, с усилием захлопнул рот, сглотнул, отлепил пальцы от дверцы, собрав таким манером все свое му-

жество, и полез в машину, старательно избегая повторного взгляда на соседа, явно относящегося к расе хищников.

Подождав, пока я заберусь на сиденье рядом с ним, чужой так же молча выпростал из-под голубого плаща тонкую серую кисть и изящным, почти грациозным движением необычайно длинных пальцев, естественно оканчивающихся когтями (черными, блестящими и короткими – ха, не очень-то и страшно), коснулся панели управления. Челнок бодро загудел турбинами, нагнетая в подушку воздух, и почти сразу тронулся с места, без скрипов и визгов, хотя на вид казался полной развалиной. Довольно резво пробежав стоянку, он вырулил на старую, пыльную (это слово у меня уже на зубах скрипело) дорогу и, ощутимо прибавив скорость, устремился вперед. Наверняка это была единственная дорога, которая вела в единственный Город.

Уже через пару безмолвных минут, занятых только разговором двигателя с шумно обтекающим гладкий корпус воздухом, мы достигли стены леса и нырнули в него. Дорогу тут же плотно обступили суровые ряды серых древесных великанов. Высоко над головой переплетающиеся ветви создавали самый настоящий свод, совершенно скрывавший пасмурное небо. Видимость сначала сразу упала до отметки «паршиво», затем «очень паршиво» и наконец до «не хотел бы я здесь оказаться» – впереди все утонуло в густом сумраке, а за нами, клубясь в зеркале заднего обзора, вздымались тучи пыли, поднятые воздушной подушкой челнока. Подходящая

обстановка нажать на курок, держа пистолет у виска жертвы. Шутка.

Слава небу, что хоть сама дорога была более или менее ровной и машину не трясло на ухабах, – не люблю зубную чечетку... Машину тут же потрянуло, зубы лязгнули. Понятно, тому лучше сменить...

Устав таращиться на «достопримечательности» лесного туннеля, я далеко не сразу перешел к разглядыванию попутчика – и то украдкой. Во-первых, элементарное приличие, во-вторых... Вот-вот. Главное – во-вторых. На «Войере» мне частенько приходилось видеть столкновения и ссоры различных существ, как людей, так и инорасовиков – «чужих» на межжаргоне, легко впадающих в ярость из-за простого любопытства к своим драгоценным особам. Я себе лишних неприятностей никогда не искал и опытом чужих ошибок предпочитал не пренебрегать.

Но попутчик у меня был действительно прелюбопытный. Прежде всего в глаза бросался его рост – я оценил его еще при посадке. Хотя понять истинные размеры сидящего существа с неизвестным строением тела всегда довольно непросто, по разным косвенным признакам я дал чужому не меньше двух с половиной метров – настоящий великан. Я на его фоне смотрелся как малолетний ребенок рядом со взрослым, ведь во мне было всего метр семьдесят четыре. Даже сидя, чужой был выше меня на три головы. Но еще больше, чем рост, поражала воображение его внеш-

ность. Длинное и худое тело было наглухо укутано в плащ из короткошерстного серебристо-голубого меха, полностью скрывавшего конечности и увенчивавшего голову глубоким капюшоном, из-под которого выглядывала, так сказать, морда лица, покрытая короткой шелковистой шерсткой сероватого оттенка. Как я уже упоминал, чем-то лицо чужого отдаленно смахивало на крысиное и больше подходило зверю, чем разумному существу. Впрочем, все мы когда-то были животными, до того как Создатель изобрел для нас первую палку, позволившую говорить на равных с более сильными... Непропорционально огромные миндалевидные глаза чужого, тлевшие ртутным блеском, источали скрытую силу, да и от всего облика этого поразительного существа веяло почти физически ощутимым грозным предупреждением, заставлявшим мигом отбросить всякие мысли о попытках посягнуть на его неприкосновенность. В общем, мне с первого взгляда было ясно, что с этим парнем себя вести лучше тихо-мирно.

Я отвел взгляд и задумался. Своеобразная раса. Подобных типов мне еще не приходилось видеть, да и слышать о них тоже. Возможно, узнав имя этой расы, я и смог бы что-нибудь припомнить, но сейчас... Сейчас можно было только предположить, что этот чужой довольно редкий гость в местных звездных краях, а то и в целом известном космосе, чем небо не шутит.

Я по-прежнему не мог понять, откуда он взялся. То, что на

«Войере» я подобного создания не замечал, ни о чем еще не говорило, — он мог запереться в каюте и не высовываться до самого прибытия в нужный ему пункт. Но кроме меня и Нори, на Шелте никто не сходил! Нори к тому же лишь проводила меня и вернулась обратно на корабль. Возникло единственное разумное предположение: этот парень жил на Шелте и приезжал в космопорт по каким-то своим делам. Мне, конечно, было любопытно, что такому типу делать среди людей, ведь чужие предпочитают жить обособленно, среди своих, но главным было то, что рядом со мной сидел возможный источник информации о Городе. Любопытство, испытанное к чужому, пока не заслонило моих собственных проблем, но... силы Зла! Я не решался начать разговор сам. Этот парень своим видом просто нагонял на меня страх. Больно уж необычной и грозной была его внешность. И вообще, у меня возникло ощущение, что он настолько далек от проблем мира насущного, мира моих понятий, что я могу показаться ему мошкой, которую ничего не стоит прихлопнуть за назойливое жужжание. Дело не в смелости или трусости, я говорю лишь об ощущениях. Если он вдруг вздумает совершить покушение на мою жизнь, я, без сомнения, буду защищаться всеми доступными средствами... Только почему-то мне казалось, что все будет бесполезно. Каково, а? Такие мысли наносили довольно болезненный пинок моему чувству собственного достоинства...

Я снова покосился на него, чисто машинально, в такт сво-

им мыслям, вовсе не желая стать объектом пристального внимания этого существа...

Но на этот раз он тоже удостоил меня взглядом. Голова его повернулась так быстро и плавно одновременно, что я не успел заметить, когда началось движение и когда оно закончилось. Всего секунду назад он смотрел вдаль, а в следующее мгновение уже рассматривал меня. Как две отдельные картинки на стереовизоре при переключении с канала на канал...

Мой внутренний мир под взглядом чужого съежился до размера булавочной головки... Два громадных, каждый с приличное озеро, глаза, дышащих какой-то непостижимой бездонной пустотой, как будто там, за ними, сосредоточилась своя Вселенная, смотрели на меня в упор. Зрачков, к моему ужасу, в обычном понимании у него не оказалось, но вместо них, на страшной глубине его вселенной, бесплотным зеленым пламенем сияли две звезды, пронзая лучами-стрелами все внутреннее пространство.

Зябко вздрогнув, я в ту же секунду решил подороже отдать свою жизнь. Но, как я и предполагал, мне это не удалось. Рука стремительно рванулась под куртку, пальцы вцепились в рукоятку пистолета-излучателя, расположенного под левой подмышкой, и рывком выдернули его наружу... вернее, хотели выдернуть, так как в следующую секунду мое тело оцепенело, биение сердца замедлилось, а мысли словно увязли в невидимом клею. Я ощутил, что тону. Тону, погружаюсь

целиком в его глаза, в их бездонную пустоту, и меня неотвратимо понесло на зеленые звезды, как морской корабль, потерявший управление, на острые иззубренные скалы, вокруг которых бушует прибой, рыча от ярости на вторжение в свои владения...

Изображение мигнуло, и чужой снова предстал целиком, а не одни его глаза. Едва я с облегчением подумал, что демонстрация могущества наконец закончена, как чужой открыл пасть. Будь моя воля, я бы не задумываясь вывалился из челнока, и даже перспектива свернуть при этом шею показалась мне незначительной по сравнению с тем, что предстало перед моим взором. Чужой открыл пасть (ртом это назвать было невозможно), и двойные ряды длинных, четырехгранных, тонких и острых как иглы клыков зловеще блеснули в придорожном сумраке тысячей оттенков оранжевого...

И тут из жуткой пасти полился голос, мгновенно все изменивший:

– Тебя интересует Город, Элиот Никсард, но я мало что могу сообщить тебе об этом, так как прибыл на планету одновременно с тобой. Нет, не на космолайнере, а неизвестным тебе способом, являющимся тайной расы, покинувшей эту часть Галактики в незапамятные времена. Думаю, ты тоже узнаешь о нем, когда настанет время, в данный же момент это не важно.

И он ухмыльнулся, снова демонстрируя свой набор смертоносных клыков во всей красе. Но не эта клыкастая ухмыл-

ка поразила меня до глубины души, а его голос, казалось, вплетающийся в самый воздух бархатным, убаюкивающим баритоном. Он совершенно не вязался с пастью, его издававшей. И он необъяснимым образом сразу успокоил меня, растворив ярость и страх.

Я поспешно отвел глаза, не желая больше встречаться взглядом с этим парнем. Что, силы Зла, он имеет в виду, говоря о времени, которое может для меня настать? Я не желал иметь никакого дела с этим существом. И почему он назвал меня именем, которое мне не принадлежало? Он что, принял меня за кого-то другого? С чужими вечно так, все люди для них – на одно лицо...

– Это твое настоящее имя, – промурлыкал чужой, словно кошка. – Просто сейчас ты об этом ничего не помнишь.

Чепуха, решительно подумал я. Бред сивой кобылы. У меня не было настроения поддерживать подобный розыгрыш. А то, что он оказался телепатом, меня не слишком удивило. В Федерации ментатов хватало, и хотя мало какая раса была наделена всеми талантами полностью – телепаты, кукольники, прыгуны и прочие разновидности обладателей парapsихологических или пси-способностей встречались почти среди всех видов разумных существ, населяющих известный космос.

– Верно, – согласился чужой, снова окрашивая воздух своим музыкальным голосом, бесконечно варьирующиеся оттенки которого поражали слух и воображение, – но моя

раса была наделена телепатией полностью.

– Была? – не преминул я зацепиться за это замечание, чтобы попытаться хоть что-нибудь выведать об этом загадочном существе. – А теперь что, потеряла эту способность? Как вообще вы называете себя?

– Хм-м... – Этот простой вопрос почему-то заставил его задуматься. Затем чужой уклончиво ответил: – Скажем так, мы называем себя лешуками. Имя же мое – Нкот.

– Я не совсем понял насчет того имени, которое якобы мое настоящее. Откуда ты это взял? Мое имя Мастон Никс, а об Элиоте Никсарде я никогда не слышал, хотя звучит тоже неплохо.

– Позже сам все узнаешь.

– Мысли Зла! – я не столько был рассержен, сколько удивлен. – Зачем тогда вообще было говорить об этом? Если ты ожидал, что я клюну на это и буду ходить за тобой по пятам, пока ты не соизволишь объяснить мне, что к чему, то ты ошибся, – после того как я доберусь до Города, мы уже вряд ли увидимся.

Чужой обнажил клыки чуть сильнее, что, возможно, было признаком его неудовольствия. Меня снова подрал мороз по коже, когда я заметил это краем глаза. Ну и пасть у него все-таки...

– Я никогда ничего не делаю бесцельно, – более низко, чем раньше, промурлыкал чужой. – И если я упомянул об этом, значит, это следовало сделать. Но не более того. А теперь, на

мой взгляд, тебе лучше заняться своими проблемами, чем докучать мне вопросами.

– Докучать? – я возмутился. – Позволю тебе напомнить, что первым разговор начал ты.

– Для меня тема разговора пока исчерпана.

– Вот как. В таком случае мог сказать и короче – «заткнись», – хмуро проворчал я, задетый за живое его обращением. – Я бы понял. Мой начальник, например, так и поступает, стоит мне только заикнуться о прибавке к жалованью.

– Не думаю, что ты предпочитаешь подобную форму общения, – возразил чужой, вздернув верхнюю губу еще чуток.

Адское пламя, когда же эти клыки кончатся, подумал я, чувствуя противную слабость при виде их длины. Но язык мой говорил, казалось, за меня сам.

– Странно, что это вообще тебя интересует, – услышал я свой голос как бы со стороны – сдавленный и дрожащий, и тут наконец смог взять свои мысли под контроль и умолк. Так явно нарываться не следовало... нарываться не следовало вообще, но эти клыки, один их вид выбивал все мысли из головы и заставлял глупеть от страха... Не понимаю почему... Ну, клыки и клыки... Разные видывал на «Войере», и ничего, в обморок не хлопался... В чем же тут дело?

Чужой, вероятно, вняв моему внутреннему воплю, наконец захлопнул пасть, и я сразу почувствовал себя значительно лучше.

Кстати, я не фамильярничал, обращаясь к нему на «ты» –

как и он ко мне. Для основной массы чужих людская форма вежливости, принятая на большинстве заселенных людьми планет, представлялась, мягко говоря, странной – обращаться к одному существу во множественном числе. Поэтому для них существовало исключение, созданное необходимостью. А необходимость была такова – при очень ранних контактах, еще до создания Галактической Федерации Миров, подобная форма обращения людей нередко приводила к военным конфликтам, воспринимаясь некоторыми расами чужих как намек на двуличность и соответственно, по их понятию, как сильнейшее оскорбление. Именно поэтому в Почтовой Корпорации после подписания того проклятого контракта мне первым делом вдолбили в голову, что я избежу многих и многих неприятностей, если буду обращаться к чужим, вид которых мне неизвестен, как к своим близким приятелям. В семидесяти процентах из ста при таком методе я должен попасть в точку.

– Мудрая тактика, – согласился чужой, нарушив ход моих размышлений. – Но на мой счет можешь не беспокоиться. Без уважительной причины я тебе голову отрывать не стану.

Надо же, это существо обладает чувством юмора, хотя и своеобразным, конечно. Кстати, он опять первым нарушил молчание. Раз так, то и я имею право на разовый комментарий...

– Ну, хорошо. А какие же причины ты считаешь неуважительными?

– Это довольно просто, – любезно пояснил чужой, – неуважительными причинами я считаю неразумные поступки мыслящих существ.

Я с трудом удержался от желания немного поязвить по поводу этой реплики – в своей обычной манере. Например, что он считает неразумными поступками? Но тема становилась слишком скользкой. Как бы мой следующий вопрос не попал в категорию «неразумных поступков». Никогда не знаешь, чего ждать от чужого, тем более от того, которого видишь первый раз в жизни.

И вероятно, в последний. Больше восьми часов я на Шелте не задержусь...

Чужой на мои мысли никак не отозвался, но, без сомнения, воспринимал их по-прежнему, и оградить себя от этого я никак не мог. Я не ментат. Совершенно обычный парень, каких можно видеть в большом количестве на любых людских планетах. Впрочем, особой необходимости в ментальной защите от моего попутчика я не видел – мы были чуждые друг другу создания как по физиологии, так и, несомненно, по образу жизни, что накладывает свои особенности на мыслительные процессы любого существа... Вряд ли интерпретация моих мыслеобразов полностью соответствовала его мироощущению. Проще говоря, я был ему непонятен больше чем наполовину, как и он для меня.

Тем временем челнок ходко пылил по дороге со скоростью примерно пятьдесят километров в час, исправно гло-

тая километр за километром. По бокам по-прежнему тянулся туннель из серолистых исполинов. По моим подсчетам, две трети пути в тридцать километров мы уже одолели, и минут десять еще можно было вздремнуть. Только стоило ли? Как бы я не опоздал вовремя схватиться за оружие.

Дело было не в недоверии к попутчику, мне инстинктивно не нравилась сама Шелта. О чужом же я не думал вообще. Старался не думать. Так как тот же инстинкт подсказывал мне, что возможности нападения у этого существа намного выше, чем мои возможности по защите. И иного выхода, как довериться ему, я просто не видел. Поэтому-то и старался не думать о нем...

– Оружие тебе скоро понадобится, – снова подал голос чужой, словно продолжая прерванную беседу. – Город испускает довольно грязные излучения мыслящих существ.

– Тех самых неразумных, да? – не удержался я от колкости, одновременно насторожившись, – хорошие советы я никогда не пропускаю мимо ушей. – Жизнь которых ты относишь к неуважительным причинам для ее продолжения?

Он сумрачно блеснул глазами-озерами – на этот раз я все-таки глянул в его сторону, но обошлось без гипнотизирующего ступора.

– Возможно, – уклончиво ответил он. Затем невозмутимо поинтересовался: – Ты не находишь, что твое зубоскальство – причина многих твоих неприятностей?

Что ж, ему удалось меня смутить, так как попал он пря-

мо в точку, заодно, к большому моему удивлению, опровергнув мое предположение о несхожести наших мироощущений. Выходит, он меня вполне понимал, и общие проблемы, возможно, были нам не чужды, несмотря на огромные различия в физиологии.

– Извини, – вздохнул я. – Конечно, ты прав...

– Дело не во мне, – он качнул массивной серой головой под голубым капюшоном, казалось, составлявшим с ней одно целое. – Оскорбить меня практически невозможно.

Я как раз открыл рот, чтобы извиниться еще раз, но он перебил:

– Ничего ты не понял. Мне не нужны твои извинения. Повторяю, ты стремишься в Город с омерзительным фоном мысленного излучения, поэтому будь осторожен.

– Только по важной необходимости, – пояснил я, думая о гипертрансляторе и о смертоносном заряде в мочке правого уха, пока «спящем».

И тут чужой преподнес мне еще один сюрприз.

– Эта необходимость создана, – заявил вдруг он.

– Создана? – я удивленно приподнял брови. – Как это может быть? Ты хочешь сказать, что гипертранслятор намеренно был выведен из строя, чтобы...

– Да нет, ты просто был намеренно ссажен с корабля, сам того не подозревая.

Я недоверчиво хмыкнул. Я не из тех людей, которые верят любому заявлению случайного попутчика. Шелта про-

ставлена в маршрутном листе, отпечатанном в моей голове во время гипносеанса не хуже собственного имени, и это так же верно, как и то, что мое имя – Мастон Никс. Да и каким образом все это можно было провернуть без моего ведома, и с какой стати вообще такое проделывать с каким-то посыльным...

– Я предоставил тебе факты, – чужой пожал плечами, вполне по-человечески. – Твое дело их проанализировать и сделать соответствующие выводы.

– Интересно, чего это ты вообще обо мне печешься? Тебе-то я на кой сдался? И если я тебя так занимаю, то почему ты не посоветуешь мне просто повернуть обратно? И зачем ты сам едешь в этот «грязный» Город, если он так опасен?

Мне показалось, что я неплохо его поддел этими вопросами, но он и не думал признаваться, что пытается меня просто разыграть. Более того, в его ответе прозвучала неприкрытая ирония:

– Тебе как ответить – на все сразу или на каждый вопрос в отдельности?

– Как пожелаешь.

Это было, конечно, грубо и невежливо, но какого Зла он меня дразнил?

– Хорошо, – спокойно согласился чужой. – Во-первых, Город мне не страшен, потому что на этой планете существует единственная сила, способная меня остановить. Природа ее тебе неизвестна, поэтому распространяться о ней я не буду.

Во-вторых, намерения неизвестной мне пока силы завлечь тебя в Город в данный момент совпадают с намерениями моими, поэтому мне незачем желать, чтобы ты повернул обратно. Но так как жизнь твоя мне еще может понадобиться в дальнейшем, я счел нужным тебя предупредить об опасности. Будь готов к неожиданностям, парень.

Во мне вспыхнуло раздражение. Ответ чужого настолько запутал и усложнил все, что я вообще больше ничего не понимал. Зачем ему желать завлечь меня в Город? Что это за неизвестная сила, желающая то же самое? Какого Зла я вообще им нужен? И с какой стати он, чужой, так спокойно признается в этом?

Один ответ мне уже в голову приходил: все это – издевательский розыгрыш, и сам чужой из породы изрядных зубоскалов, не упускающих случая повеселиться над случайными попутчиками. Второй был хуже. Я мог злиться сколько угодно, но это не мешало мне допустить, что все услышанное мной – чистая правда, но так причудливо урезанная, что куски ее я пока не мог сложить в понятный для себя текст. Других ответов в ходе внутреннего диалога я пока не получил, но оба вышеприведенных «принял на вооружение».

Я по натуре не пессимист, но предпочитаю рассчитывать на худшие варианты. Мне это кажется разумным. Поэтому я полез под куртку и проверил, как там поживает мое табельное оружие посыльного, на всякий случай заранее расстегнув обе кобуры. Вынималось оно без задержек, и это хоть

немного придало мне уверенности.

Как ни крути, а в Город мне попасть надо было позарез. Я упрямо не желал превратиться в пыль, когда сработает спящий попутчик. И плевать мне на то, почему это надо чужому и еще там кому-то, раз он не желает объяснить это по-человечески. И так как он больше не перебивал мои мысли, то я тоже благоразумно не стал стремиться к разговору. Как я уже сказал, мне не понравилась предложенная им игра. Слишком много беспокойства...

Так я и сидел некоторое время, глубоко задумавшись ни о чем, просто дал своим мыслям полную волю. А потом лес неожиданно закончился, монолитные стены из деревьев словно отсекло гигантским топором, и челнок выскочил на равнинный простор. По-прежнему хмурое небо оказалось достаточно ярким для глаз после сумрака коридора. Некоторое время я жмурился, словно кот, объевшийся сметаны, привыкая к новой освещенности, а когда наконец смог глянуть вперед, то нехорошее предчувствие сжало мне сердце. Дорога дальше скатывалась в неглубокую низину и примерно метров через пятьсот упиралась в серое неряшливое пятно стоянки для челноков, где дремало несколько обшарпанных машин, как близнецы похожих на нашу. Но не это вызвало тревогу, а вид городских кварталов, выставивших сразу за стоянкой.

– Не думал, что это будет выглядеть настолько плохо, – пробормотал я вслух, уставившись на полуразвалившиеся

здания в черте Города.

– По результатам предварительного сканирования могу сообщить, что весь Город опоясан кольцом заброшенных кварталов, – проговорил-промурлыкал чужой. – Чтобы попасть в жилую часть, придется пересечь это кольцо пешком. Челнок дальше стоянки не пойдет, а наличия другого транспорта в этом нефункциональном месте я не ощущаю.

Я не ответил, решив не тратить слова там, где открыты мысли. Замечу только, что вид Города что-то перебил у меня желание совершать по нему прогулку. Предупреждение чужого на этот счет уже не казалось необоснованным. Розыгрышем тут и не пахло.

Между тем окраины Города быстро приближались.

Через минуту мы на полном ходу влетели на стоянку, и я уже чуть было не решил, что челнок проскочит ее вопреки предсказанию чужого и понесется дальше в Город, как он затормозил. Затормозил так резко, что только хорошая реакция уберегла меня от сильного удара головой о лобовое стекло, – я успел подставить руки. Пока я шипел от боли в основательно отбитых ладонях, челнок, уже не спеша, развернулся для обратного пути и остановился.

– Еще немного, – криво усмехнулся я, выбираясь из машины, – и мне не понадобилось бы транспорта, чтобы добраться до жилой части Города. Я пролетел бы это расстояние по воздуху головой вперед. Сомневаюсь, чтобы посадка была мягкой. Как ты считаешь, чужой?

Я потряс кистями, стараясь побыстрее восстановить кровообращение – от удара руки онемели почти до локтей. Слава небу, обошлось без вывихнутых или растянутых запястий.

Ответом было молчание. Опасность проникла в мозг на уровне инстинктов, и я резко обернулся.

Челнок был пуст.

Я быстро огляделся по сторонам.

Чужой исчез. На стоянке остался я один. От жуткой мысли меня бросило в жар. А если... А если никакого чужого не было и в помине? Если это был фантом какого-нибудь кукольника? Может быть, это даже был сам кукольник, напавший на себя эту личину. Ведь я никогда не видел раньше подобных существ...

Мне пришлось себя мысленно одернуть, чтобы прекратить панику. Чужой был. Для фантома он был слишком естествен. И голос – такой голос не мог принадлежать человеческому существу...

Я повернулся лицом к Городу. Ведущая в него улица насколько хватало глаз сплошь была загромождена кучами всякого хлама, в котором уже невозможно было опознать, чем он когда-то являлся. Стены крайних зданий, основу которых составлял дешевый строительный пластик, подпирали груды осыпавшейся штукатурки, да и сами они выглядели не лучше прилегающей к ним улицы – перекошенные, вздувшиеся местами от действия непогоды и времени стены в два и три этажа грозили вот-вот обрушиться на тротуар.

Не знаю, как там у них выглядят жилые кварталы, но свалка, в которую превратилась эта улица, говорила о том, что от санитарных служб здесь остались только рожки да ножики.

Я машинально оглянулся на стоянку и вдруг обнаружил, что челнок уже упылил прочь, скрывшись в поднятых им ранее клубах пыли. Некоторое время я бездумно смотрел ему вслед, пока до меня не дошло, что я остался без транспорта, и тогда я чуть не взвыл от ярости и досады. Догонять челнок было поздно, пятьдесят километров в час – не моя скорость. Дряхлый вид остальных машин на стоянке доверия по-прежнему не вызывал – проржавевшие насквозь борта, сгнившие сиденья... Никаких шансов заставить их двигаться я не видел.

Заставив себя в очередной раз успокоиться (не знаю, пропововали ли вы это на себе, но это Зло знает как трудно – заставить себя успокоиться), я задумался о том, каким временем располагаю, чтобы успеть вернуться к отлету корабля на Элти. После того как я сделал заявку, у меня было восемь часов свободного времени. Час отнимем для страховки, минут сорок отняла дорога до Города. Оставалось чуть больше шести часов, но вернуться, конечно, лучше было бы пораньше. Если я найду в Городе гипертранслятор и сумею связаться с Почтовой Корпорацией, то смогу улететь и на следующем корабле, если не успею на свой. Но если гипертранслятора не окажется... Мне не хотелось об этом даже думать, так как тогда единственным моим шансом на спасение был именно

тот корабль, на который я оставил заявку.

Тридцать километров до космопорта я, пожалуй, смог бы одолеть часов за пять, – где пешком, где бегом, но о такой скверной перспективе думать не хотелось. В общем, вышло, что у меня оставался час, чтобы выяснить, есть ли в Городе гипертранслятор.

И лучше было сразу повернуть обратно, чтобы успеть на корабль наверняка, но я решил все-таки сходить в Город. В случае успеха не пришлось бы бежать этот марафон, тем более что в Городе, вопреки предположениям чужого, все-таки мог оказаться транспорт...

Поколебавшись, я выделил на разведку полчаса. Пятнадцать минут вглубь, пятнадцать минут – обратно. Этого было достаточно, чтобы получить представление об этом месте.

«Полчаса, – пробурчал я себе под нос, двинувшись вперед. – Только полчаса в этом вонючем Городе».

Минут через пять я вышел на первый перекресток. Немного постоял, вглядываясь в улицы справа и слева, но, не обнаружив ни единой живой души, неуверенно двинулся дальше.

Угораздило же меня попасть на подобную планету, мрачно размышлял я на ходу. И как это Почтовая Корпорация, так дорожившая репутацией своих частных перевозок, выбрала подобный маршрут? Нельзя было, что ли, найти более приличное место для пересадки? Зачем вообще нужна была пересадка, если «Войер» прямиком следовал до Элти?

Вот тут-то, на этой мысли, я и остановился как вкопанный, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом.

– Силы неба, – потрясено прошептал я вслух. – Да как же это могло произойти?

Словно пелена спала с памяти. Не было Шелты в маршрутном листе. Никогда не было. На «Войере» я и в самом деле должен был добраться до Элти.

Мне стало дурно, и я поискал глазами местечко, где можно было бы присесть, но ничего приличного для этой цели не нашел. Кто же сделал мне такую подлость? Почему? Кому я настолько насолил, что моя память оказалась измененной? Несомненно, это должно было произойти еще на «Войере»...

Меня словно обожгло. Кажется, теперь я догадывался, кто был виновником моих неприятностей. Адское пламя, Нори, ее несносный юмор! Всю дорогу она ради развлечения отпускала шпильки о внешности пассажиров-чужих, присутствовавших на «Войере», вид которых колебался в рамках от исключительно забавного до откровенно жуткого с точки зрения человеческого существа. Представители различных рас порой просто поражали воображение, словно материализованные нездоровой фантазией сумасшедшего. И Нори с Тавеллы, конечно, не могла удержаться, чтобы не позубоскалить.

Вполне возможно, что в один роковой момент ее шутка пришлась на голову какого-нибудь ментата, обладавшего

го острым «внутренним» слухом. А так как нас постоянно видели вдвоем – я, кстати, не упускал случая посмеяться вместе с ней, вместо того чтобы проявить тактичности, – то месть ментата досталась нам обоим...

Обоим? Злость чуть потускнела, но лишь чуть, когда я подумал об этом. Значит ли это, что Нори тоже сейчас в беде? Впрочем, помочь я ей ничем не мог, это я понимал прекрасно и не собирался лишний раз трепать себе нервы по этому поводу. Но посочувствовать ей мне ничто не помешало. Себе тоже. В большей степени. Потому как если со мной все вроде стало ясно, то с ней еще ничего не известно. Может быть, что у Нори вообще нет никаких проблем. Впрочем, какая разница теперь, кто был виновником? Главным было то, что я сошел с маршрута и Корпорация была вправе уничтожить меня раньше трех оставшихся для исправления ошибки межсуток...

Происходило что-то дикое, и я не понимал, по какой причине это происходило именно со мной. Надо было немедленно рвать отсюда когти. Чем быстрее, тем лучше...

– Что, иноп, решил повернуть обратно? – раздался вдруг откуда-то сверху голос, хриплый и невыразительный.

От неожиданности я чуть не подпрыгнул. Силы Зла, я и не подозревал, что нервы у меня так натянуты...

– Слишком поздно, иноп, ловушка сработала. Город тебя уже не выпустит.

Я резко вскинул голову, пытаюсь отыскать источник сих

словоизлияний, но не обнаружил никакого намека на чье-либо присутствие. В конце концов, не эта же статуя, подпирающая балкон на втором этаже слева...

Я впился глазами, мгновенно выхватив излучатель.

Вот именно.

Худой, истощенный старик с гривой седых всклокоченных волос, одетый в лохмотья неопределенного цвета, почему-то пытался прикинуться произведением искусства. Непонятно, как он только держался на такой высоте...

Как раз на этой мысли бродяга опустил свои руки, цеплявшиеся за балкон, и... плавно спикировал вниз, вместо того чтобы рухнуть и переломать кости, повинуясь силе тяготения.

Абсолютно не обращая внимания на «макс» в моей руке, направленный ему промеж глаз, он как ни в чем не бывало опустился на тротуар, утвердившись всего в двух шагах от меня. Тощие ноги в лохмотьях слегка спружинили при приземлении, худая спина спокойно выпрямилась, и я увидел высохшее от старости, узкое, изрезанное морщинами лицо.

Лицо, которое тут же одарило меня насмешливой улыбкой.

3. Западня

Наверное, я уставился на старика как на рождественское дерево среди лета. Я остолбенел. Да этот старый сморчок, дошло вдруг до меня, самый что ни на есть натуральный летун. О подобном мне только приходилось слышать (передачи по стереовизору не в счет), а теперь довелось увидеть летуна собственными глазами.

Но изумление не помешало мне хорошенько расслышать то, что он мне сказал.

– О чем это ты толкуешь, дед? – холодно спросил я, не опуская излучателя.

– Да все о том же, иноп, – он растянул губы в издевательской усмешке, обнажая острые кончики желтоватых зубов (кажется, их оказалось больше, чем положено иметь нормальному человеку). В хитрых вороватых глазах проступил нездоровый блеск. – Повернешь ты сейчас назад или нет, это уже ничего не изменит. Портовики не из тех, кто любит упускать добычу, инопланетные пташки залетают к нам очень редко...

– Давай покороче, дед, что тебе от меня надо? – неприязненно перебил я.

Это жаргонное словечко «иноп» просто резало мне слух. Сокращенное от «инопланетника», в устах старика оно звучало с достаточно неприятным подтекстом: «Ты пришлый, с

иного мира, не наш, и поэтому полный ублюдок, недостойный, чтобы ходить по этой земле».

– Ты нетерпелив, иноп, – старик хихикнул. – Не прошло и минуты, как ты уже перебил меня. А мы ждем тебя уже больше часа.

Я усмехнулся. Понятно. Кассир космопорта явно не сидел сложа руки в том зловещем «склепе».

– Ну хорошо, немного изменяю вопрос: что вам от меня надо? И кто вы, силы Зла, такие?

– Я лучше скажу, что надо мне, – он мелко рассмеялся. – Я готов заключить с тобой, иноп, небольшую, но очень полезную для нас обоих сделку. Вступив на территорию Города, ты автоматически лишился всех своих денег. Да, банкос твой еще полон, – подтвердил он, заметив, что я машинально взглянул на табло банкоса. – Но эти деньги тебе уже не принадлежат, так как скоро портовики изымут их у тебя. Тем не менее ты еще сможешь извлечь из них пользу. Заплати половину того, что имеешь, мне, и я поделюсь с тобой информацией, которая избавит тебя от многих хлопот. Я расскажу тебе про охоту, и ты оставишь всех погонял с носом...

На мой взгляд, вся эта болтовня смахивала на откровенную попытку надуть меня, и надуть грубо, а жулье я терпеть не мог.

– Хорошо, старик, я заплачу тебе пару эталонов за твою помощь...

– Пару эталонов?! – его лицо мгновенно прорезал злоб-

ный оскал, и я со страхом увидел усеивающие его челюсти длинные желтые клыки, казавшиеся уменьшенной копией клыков чужого-попутчика. – Ты хочешь сказать мне, что половина твоих денег так мала?

– Теперь ты перебил меня, старик, – холодно указал ему я. – Так вот, я готов заплатить тебе пару монет за информацию, но информацию другого рода. Ты получишь их, если отведешь меня к гипертранслятору, при условии, что это будет недалеко. И еще пару, если найдешь мне машину, способную доставить меня в космопорт...

Его хохот в ответ был похож на скрип несмазанной дверной петли.

– О Небо Гибели, – взмолился он, подняв лицо к небу и картинно воздев руки, – как он глуп! Он не поверил ни единому моему слову!

Когда же он снова опустил глаза, то в них плескалась откровенная ярость.

– Да знаешь ли ты, иноп, что, разговаривая сейчас с тобой и предлагая тебе то, что я предлагаю, я рискую жизнью?

Я нахмурился. На этот раз в его словах не чувствовалось фальши. Может быть, все-таки стоило его выслушать?

– Ладно, – я неуверенно кивнул. – Ответь мне на несколько вопросов. Кто такие портовики?..

– Время! – закричал старик мне в лицо, брызжа слюной. Я отступил от него на шаг, не горя желанием быть оплеванным с головы до ног. – Время поджигает! Давай деньги – или

пропадай, иноп! Ну?!

– Слишком мало информации, чтобы принять решение, – раздраженно проговорил я. – Почему бы тебе все же...

Странный шорох непонятого происхождения заставил меня умолкнуть и обернуться.

– Поздно! – истошно завопил старик и, свечой взмыв вверх, уже с высоты второго этажа докричал: – Ты слишком болтал, иноп! Теперь приготовься к самым страшным минутам в твоей бесполезной, никчемной жизни!

Но я его уже не слушал.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы мозг смог переварить то, что увидели глаза. А именно – целая секунда, показавшаяся вечностью.

Не торопитесь, взгляните на эту картину абсурда и ужаса моими глазами...

Через дорогу, из окна здания на втором этаже, с трудом протискиваясь сквозь гнилой оконный проем высотой в человеческий рост, в мою сторону тянулась чудовищного размера лапа, покрытая крупной серо-зеленой чешуей. Четыре пальца, каждый толщиной с хорошее бревно, были увенчаны полуметровыми грязно-желтыми когтями, похожими скорее на лезвия смертельно острых кос, с концов когтей капала мутная слизь, оставляя по мере продвижения цепочку темных пятен в пыли на тротуаре. Ей оставалось всего полтора метра, чтобы схватить меня поперек туловища.

В следующую секунду оконная рама, не в силах выдержать

объем предплечья чудища, выстрелила вон из проема ворохом обломков. Треск гнилого пластика вывел меня из ступора, а инстинкт отбросил в сторону.

И очень даже вовремя – когти едва не распотрошили меня, как свинью, приготовленную на жаркое. Промახнувшись, они со страшной силой вонзились в стену, около которой я только что стоял, и бетонная поверхность брызнула каменным крошечком не хуже льда, угодившего под стальное рубило.

Лапа была такой громадной, что промахнуться было невозможно, и я не целясь выстрелил из «макса», который не выпускал из руки с момента встречи с летуном. Тонкое зеленое жало лазерного луча впилося в центр массивной уродливой ладони, и чудовищные пальцы окрасились бледными бликами отражения.

И все.

Разглядев результат своего выстрела, я сглотнул подступивший к горлу комок. Потому что никакого результата не было. Лазер «макса», способный пробить лист отличной стали толщиной пять сантиметров (сам видел, силы Зла!), не причинил бронированной твари никакого вреда!

Так почему бы мне просто не смыться отсюда, вместо того чтобы изображать из себя героя с этой пукалкой в руках? Поднырнуть под ручонку спрятавшегося за стеной монстра-переростка, решившего тут пошалить с прохожим Мастоном Никсом, и...

Мысль была благоразумной, но я опоздал.

Раздался бешеный рев, лавиной затопивший каменное ущелье улицы, затем не менее оглушительный треск и грохот. Крыша трехэтажного здания взлетела вверх фонтаном обломков, и из пролома показались голова и плечи гигантского ящера высотой не менее пятнадцати метров. Он выскободился из оков здания со скоростью урагана!

Я метнулся под балкон, уворачиваясь от падающих сверху обломков стен, каждый из которых оставил бы от меня мокрое место (ненадежное укрытие, но ничего другого не попало). Все происходило настолько быстро, что у меня не было возможности что-либо предпринять, но, когда ящер расправился со зданием и на тротуар, сметая остатки стен, обрушилась гигантская стопа, разбив дорожное покрытие своей тяжестью, словно стекло, я увидел, что мне остался только один путь к отступлению. И этот путь вел в Город, так как ящер загородил улицу со стороны стоянки.

Я все же попытался пробиться и принялся палить из излучателя в широченную грудь ящера, пока не расстрелял всю обойму. Перезаряжать не имело смысла – смертоносный огонь не остановил и даже не замедлил движения этого громадного уродца, хотя грудь его дымилась, раскалившись от выстрелов, как забытая на плите сковородка.

Красные треугольные глаза на жуткой чешуйчатой морде впились в меня горящим ненавистью взглядом. Голова исполина казалась крошечной по сравнению с его телом. Ули-

цу потряс громкий рев, и ящер шагнул вперед... Шагнул... Скорее это смахивало на удар гигантского молота – земля вздрогнула под ногами, и дорожное покрытие снова расплескалось извилистыми трещинами. В лицо ударило смрадной вонью, источаемой этой тушей из чешуйчатой брони, клыков и неукротимой ярости.

Голова просто кружилась от нереальности происходящего, но пока я доверял своему зрению. В бессильной злости я едва не швырнул бесполезный излучатель в надвигающуюся тушу, но в последний момент передумал и метнулся прочь. И снова вовремя! Балкон, под которым я прятался от обломков обрушившегося здания, буквально взорвался под ударом лапы, разлетевшись веером пыли и каменного града, и все это с шумом рухнуло вниз, как раз на то место, где секунду назад стоял я.

Слома голову я помчался в глубь городских улиц, прочь от смертельной опасности. Тяжелая поступь монстра цепью локальных землетрясений тут же последовала за мной, и диким усилием воли я едва подавил желание заорать во всю глотку. Вместо этого я прибавил скорости, но монстр, казавшийся таким неповоротливым, и не думал отставать. Тогда я выложился настолько, насколько вообще был способен, и все-таки оторваться не удалось! Это было просто какое-то безумие...

От скорости бега окна зданий почти слились в одну туманную ленту, череп вибрировал от непрекращающегося ре-

ва за спиной, разрастаясь болью. Чтоб ты себе глотку порвал, скотина этакая... И «макс», хотя и был маленьким, все же порядком отвешивал руку. На такой скорости сунуть его в кобуру не получалось, а выбрасывать не хотелось.

Я лихорадочно искал укрытие, но не видел ничего подходящего. Вся надежда была на то, что я успею добраться до жилых районов раньше, чем ящер доберется до меня самого. Усиливающаяся головная боль, бешеный бег – все это не способствует размышлению, но все же хватало ума понять, что если здесь водятся такие звери, то местные жители должны уметь с ними бороться. Если же это не так, то Город потому и заброшен, что в нем водятся такие твари. Тогда мне конец. Долго взятый мной темп бега я выдержать не в состоянии.

Чуть притормозив, я резко оглянулся и тут же припустил снова, чувствуя, как от ужаса кровь отливает от лица.

Все верно, ящер и был неповоротливым, да только его гигантский рост с лихвой компенсировал этот недостаток – на каждые десять моих шагов ему приходилось делать всего один свой, чтобы наступать мне на пятки, и его когти с мертвящим шелестом рассекали воздух за моей спиной. Достаточно было одного попадания, чтобы превратить посыльного Почтовой Корпорации Новы-2 по имени Мастон Никс в безымянный окровавленный комок плоти, и я давил страх, стараясь не поддаваться панике и не сорваться с темпа.

Все внимание сосредоточилось на дороге, усеянной гни-

лыми нарывами мусорных куч. Стоит только споткнуться, и на такой скорости меня просто размажет по пластобетону... И ящер с радостью разотрет мои останки в порошок одним движением стопы. Здания плясали перед глазами дикий танец, мелькая мрачными провалами выбитых окон, и тянулись, тянулись одно за другим сплошной вереницей каменных скелетов. Проклятие, ну кто так строит?!

Я жаждал перекрестка, как путник воды в пустыне под жарким палящим солнцем, но каменный коридор, сжавший меня с двух сторон, казался бесконечным. Ни одного подъезда или сквозной арки, ни одной двери или низко расположенного от тротуара окна... Проклятый город, пусть тебя поразят все несчастья мира, если они уже не сделали этого!

Стены, скорее всего, не защитили бы от сокрушительной силы рептилии, но на какое-то время, пока она пробивалась бы сквозь них, смогли бы ее задержать.

И я продолжал нестись сломя голову.

О небо! Ну где же эти перекрестки, переулки, подворотни, существующие в любом захолустном Городе на каждой улице? А?! Голова уже грозила рассыпаться от боли, превратившись из-за ураганного рева за спиной в набор плохо соединенных кусков, чешуйчатая смерть дышала в затылок, а я все не мог найти никакого выхода.

Я начал задыхаться. Сердце бешено рвалось наружу, в груди ему стало тесно. Я не профессиональный бегун, силы Зла, я всего лишь бывший фермер! Ну почему это случилось

именно со мной, а?!

Мобра... Искусство Мобра могло бы мне помочь без усталости переставлять ноги сутки, если бы у меня была хотя бы минутка, чтобы остановиться и сосредоточиться для активизации Ключа... Слишком поздно. Дилетант, проклятый дилетант... Я не был готов к такому роковому повороту событий и теперь вынужден был расплачиваться за свою неосмотрительность...

Пот градом катил по лицу, застилая глаза мутной пеленой, стекая по губам солеными ручейками; горячий воздух раздирал горло при каждом вдохе. В голове шумело от прилива крови, но организм уже не справлялся, в правый бок словно вонзился нож.

Время размылось...

Сколько я уже бежал? Двадцать минут? Тридцать? Или целый час? Это не могло продолжаться вечно. Я понимал это. Может быть, слишком хорошо понимал, и это убивало во мне и без того угасающую надежду на избавление. Еще немного, в безнадежном отчаянии билась мысль, и эта тварь покончит со мной одним ударом. Ноги уже заплетались. Я напрягал их из последних сил, да только смертельно уставшие мышцы не желали повиноваться. «Макс» в правой руке весил уже не меньше тонны, упрямо отгибая руку вниз, норовя заехать по бедру при каждом шаге. Захрипев от злости, не в силах даже выругаться, я отшвырнул излучатель в сторону. Жизнь все-таки дороже взыскания за потерю табель-

ного оружия...

И тут...

Естественно, такие вещи всегда происходят в самый последний момент. По крайней мере в визосериалах... Будь она проклята, моя судьба, – она просто играла со мной. Потому что в самый последний момент она решила мне улыбнуться, и я выскочил на долгожданный перекресток возникший из ниоткуда. Только что по сторонам тянулись здания, и вдруг я уже оказался на пересечении улиц, точно посередке.

Я инстинктивно рванул вправо, как давно уже планировал мысленно, но тут увидел то, что заставило меня остолбенеть.

А именно: увидел празднично, по понятиям моей Новы-2, одетых людей, неторопливо прогуливающих по улицам, увидел огромные витрины роскошных магазинов, расцвеченные яркими красками световой рекламы, дорогой черный автомобиль, низкий и неправдоподобно длинный, бесшумно несущийся на меня по залитой новеньким пластобетоном улице...

И увидел полицейскую будку.

Она стояла справа от перекрестка – прозрачная усеченная пластиковая пирамида, перевернутая вверх широким основанием, на удивление похожая на такие же будки на Нове-2.

Еще острее, чем раньше, я ощутил неестественность происходящего... Но копаться в своих ощущениях времени не было, за спиной ревел ящер.

Ноги механически задвигались, продолжая деревянный

бег.

Единственной деталью, нарушавшей общую картину, будто бы выдернанную из реальности моей планеты, был ствол какого-то мощного на вид орудия, торчавший из специально прорезанного для него в будке окошка. Блестящий зрачок ствола смотрел как раз в нужном направлении – на улицу за моей спиной. Здоровенный детина в черно-зеленой униформе полицейского, важно восседавший за прозрачным пластиком стенки, небрежно облокачивался на пульт управления, довольно равнодушно наблюдая за моим приближением.

Орудие было похоже на стационарный аннигилятор, которыми комплектовались космолеты Звездной Стражи Галактической Федерации Миров, – я не раз видел такие у себя дома по визосети во время передач о блюстителях порядка Федерации. И, насколько помнил, аннигилятор мог остановить что угодно и кого угодно. «Спасен!» – радостно, полыхнула: мысль. Город все-таки умел обороняться против рептилий!

Всего в двух шагах от будки ноги обессилено подломились, колени с глухим стуком врезались в дорожное покрытие. Я с трудом откинулся назад, стараясь сохранить равновесие и не потерять орудие из виду. Дикая усталость притупила боль, она же свела мышцы лица судорогой, сделав рот непослушным, и вместо крика из горячего пересохшего горла вырвалось лишь неразборчивое сипение:

– Стреляй, коп! Стреляй... силы... Зла!

Полицейский прореагировал довольно странно, даже ди-ко: равнодушно скользнув по мне взглядом, он поднялся со стула и вышел из будки. В ужасе я оглянулся. Ящер уже был в двадцати шагах, моих шагах, ему же оставалось сделать лишь пару, чтобы раздавить меня, как насекомое...

Несущийся по улице черный автомобиль не успел свернуть в сторону. Бешеный визг тормозов, и... тяжелая стопа ящера опустилась ему на крышу. Пронзительный скрежет сминаемого металла, треск пластика... Пресс не смог бы сделать лучше – машина превратилась в лепешку. Выскочить никто из нее не успел.

Второй шаг рептилии расколол дорогу позади меня. Удар передался через колени, меня качнуло из стороны в сторону, как утлое суденышко во время свирепого шторма... Безжалостная поступь судьбы? Смерть, взмахивающая ржавой косой, тонкий свист острого как бритва стального лезвия, пересекающего воздух, брызжащая фонтаном кровь из горла...

Нет!

Я попытался вскочить и уже в последний момент краем глаза заметил летящую сверху нейродубинку полицейского. В голове на мгновение вспыхнул яркий свет... исчез... наступила тьма...

Оглушенный и обездвиженный, я все же не потерял сознание, но утратил всякое чувство ориентации и понимание происходящего...

Нет, не обездвиженный, понял я в следующую секунду, ощутив, что могу шевелиться и – видеть. Против ожидания, удар нейродубинки не парализовал, а только сбил с ног.

Полицейский сошел с ума. Но я еще нет. И умирать я не хотел. Мысль о парализаторе, все еще дожидавшемся своего часа в правой кобуре под мышкой, заставила меня действовать. Я не рискнул его испробовать на ящере вслед за «максом» только потому, что был стопроцентно уверен – такую тушу он не возьмет. Это оружие было предназначено исключительно для людей... А надо было. Попытка не пытка... Ну а сейчас мне просто не осталось ничего другого – утопающий хватается за соломинку. Вот я и схватился.

Тяжело ворочаясь на тротуаре, я потянулся за оружием. Куртка дико мешала, рука с трудом дотянулась до кобуры, продираясь сквозь тесные складки материи... Не так-то просто вытащить пушку в лежащем положении. Ну же... Проклятие!.. Вот! Пальцы сомкнулись на рукоятке «сна», и через секунду, затаив дыхание, я приподнялся на локте для прицельной стрельбы. От усилия зубы сжались так, что челюсти онемели, а легкие тут же заныли, все еще не утоленные кислородом после сумасшедшего бега, и рука все же дрожала.

Взгляд метнулся вперед... И я не поверил своим глазам. Ящер, сгорбившись, замер против полицейского, уставившись на него, как преданная собака. Неукротимый красный огонь в треугольных глазах потух, кровавая пасть с метро-

выми клыками склонилась к земле.

– Хватит, кукольники, – донесся сверху низкий хриплый голос. – Зверь попался, охота закончилась.

«Кукольники...» «Охота...» Слова зацепились за сознание, заставив замереть палец на спусковом крючке, мысли слабо ворочались в усталом мозгу... Охота, силы Зла! Об этом говорил летун! И еще – кто-то только что произнес «кукольники»...

Кукольники – ментаты, способные силой своего мозга создавать в пространстве голографические изображения... «Зверь попался, охота закончилась...» В голове начало проясняться. Все несуразности этой погони с ящером и мной в качестве главных действующих лиц вдруг в какую-то секунду сложились в ясную картину, объяснившую все. Гигантская рептилия, непонятно как оказавшаяся внутри целого с виду трехэтажного строения, огонь излучателя, не причинивший ей ни малейшего вреда, кошмарный каменный коридор без перекрестков. И образ этой улицы, на которой я сейчас так позорно, так униженно валялся, – приманка в виде куска моего мира с Новы-2, выуженная из моих воспоминаний и талантливо воплощенная кукольниками в псевдореальность. Все это шло один к одному, все служило одной цели... Отлично отрепетированный и поставленный спектакль. Жестокий розыгрыш. Ящер был бесплотным, неодушевленным фантомом, с помощью которого простаков вроде меня загоняли в Город, как скот на бойню...

Все это стремительно пронеслось в голове, а затем раскусок помутился от ярости. Я должен был отомстить за столь грубо поправленное чувство собственного достоинства.

Действие парализатора всегда бесшумно, и о его применении становится известно только тогда, когда уже видны результаты. Широкий луч «сна», настроенного на полную мощность, бесшумно затопил весь перекресток, и в тот же миг все вокруг разительно изменилось.

Ярко одетые пешеходы, магазины, раздавленный автомобиль, даже сам перекресток с ближайшими зданиями – все бесследно растаяло, испарилось. Вместо всего этого возникла бетонная площадь, окруженная высокими глухими стенами. А там, где только что был ящер, лежало несколько человеческих тел, поверженных парализующим лучом.

Я не успел насладиться этим зрелищем, как жесткий сильный удар в правый бок опрокинул меня на спину. Парализатор вылетел из руки, свирепая боль снова затмила свет перед глазами...

Огромный человек в надетой на голое тело кожаной безрукавке склонился надо мной, сжимая в невероятно мускулистых руках длинный тяжелый «смерч» – излучатель военного образца. Массивный шишковатый череп обрит наголо, недобрые глаза цвета отполированной стали – странные глаза, сверлят насквозь. Этот великан и был тем «полицейским», личину которого на него напялили кукольные.

– Спокойно, иноп, больше не трепыхайся, – мощный го-

лос, вырвавшийся из его глотки, казалось, заполнил весь воздух вокруг, – сейчас твое дело – подчиняться.

Нетрудно было догадаться, что именно этот тип и командовал здешним парадом. Он выпрямился и рявкнул в пространство:

– Шептуна сюда, быстро!

Я сделал попытку подняться, но в горло тут же вдавился приклад излучателя, припечатав обратно к земле.

Великан издевательски оскалился:

– Сперва дела, иноп, все остальное потом. Сейчас тебе необходимо чуть напрячься и освободить свой банкос от денежного бремени. Просто шевельни мыслишкой и отпусти эталончики на мой счет. И мы с тобой прекрасно поладим. Ну?

«Смерч» вдавливался все сильнее, перед глазами от боли и удущья поплыли черные пятна, и я инстинктивно вцепился слабеющими руками в приклад, силясь оторвать его от горла... Это было все равно что приподнять многотонную скалу. Влажные от пота пальцы тщетно скользили по гладкому металлопластику, а мир стремительно темнел. В голове возникли образы Мобра, смутные, неустойчивые... бесполезные. Снова не было ни времени, ни энергии, чтобы вдохнуть жизнь в один из Ключей...

Я сдался и послал мысленный приказ своему банкосу, не в силах даже выругаться.

Давление приклада сразу ослабло, и в легкие, готовые взо-

рваться от недостатка кислорода, хлынул живительный воздух. Темнота медленно отступила, хотя и не избавила от боли.

– Вот и отлично, – удовлетворенно проговорил великан. И снова рывкнул в пространство: – Я же сказал: шептуна сюда! Живо!

На этот раз кто-то отозвался, и голос отозвавшегося прозвучал испуганно:

– Он его подсек, как и погонял.

– Но он в сознании? – прорычал верзила.

– Да, похоже...

– Сюда его! Неподвижность тела не помеха его мозгам. Злее будет.

Я не знал, что задумал этот тип, не дававший мне пошевелиться, и кто такой шептун, но чувствовал, что знакомство с ним ни к чему хорошему не приведет. Кросс по Городу измотал меня, заставив выложиться без остатка, запаленные легкие все еще хрипели при каждом вздохе, я хватал воздухом как рыба, выброшенная на берег, – самочувствие было исключительно тошнотворным, и в душе я бесился от того, что ничего не могу поделать... Впрочем, язык был свободен, а так как совсем ничем не отплатить этому типу в кожаной безрукавке я просто не мог, не разорвавшись при этом от злости, то я дал ему волю. Предлог нашелся сразу: кроме огромных рук с жутким рельефом переразвитых, гипертрофированных мускулов великан обладал также и огромным

брюхом, причем при его более чем солидных пропорциях тела одно нисколько не дисгармонировало с другим. Но был бы предлог.

– Эй, послушай... – Звук голоса смахивал на шипение воздуха, выходящего из проколотого воздушного шара, – приклад под подбородком не позволял говорить нормально. – Тебе кто-нибудь... говорил о зеркальной... – болезненный вдох, – болезни, которую ты подхватил?

– Что? О чем это ты толкуешь, иноп? – великан слегка наклонился, хмурая густые брови.

С внезапной тоской я подумал, что не следовало бы сейчас ни о чем говорить, чувствовал я себя и так достаточно паршиво: горло саднило, по телу словно прошелся взвод солдат, но все-таки не смог удержаться. А потому сплюнул в сторону, освободив рот от накопившейся слюны, почему-то порозовевшей от крови (раздавил мне, ублюдок, горло прикладом?), и набрал в грудь побольше воздуха. Затем хотя и хрипло, но вполне внятно пояснил:

– Зеркальная болезнь. Это когда то, что болтается между ног, из-за брюха видишь только в зеркале...

Я осекся. Глаза атлета страшно сверкнули, лицо исказилось от бешенства. Не издав ни звука, он взметнул приклад «смерча» вверх.

Все произошло слишком быстро. Я рванулся в сторону, но не успел – и он меня нашел. Точно в грудь, с мерзким хрустом вбив сердце в позвоночник... Я с ужасом ощутил,

как грани металлопластика крушат и рвут мою плоть, ломают кости... Я взвыл и захлебнулся собственной кровью. О небо! Такой боли я не испытывал никогда в жизни... Она взрывалась, взрывалась, взрывалась внутри... и яркий свет закружился перед глазами, пропадая в темном, зовущем туннеле с огненным дном...

Боль... неуловимая доля секунды – и ее нет... Вместо нее – страшная бездонная яма... Она жадно потянула меня вниз, в свое ненасытное чрево, но прежде чем она утащила сознание за собой в ад агонии, я уловил чье-то прикосновение... Чья-то мерзкая конечность проникла мне прямо в мозг, обхватила его скользкими холодными пальцами и безжалостным рывком выдрала прочь...

4. Город

– Я хочу кое-что объяснить тебе, иноп...

Смутные, сквозь призму кошмарных видений, воспоминания о ночном холоде, пробирающем до костей неподвижное тело, застилали смысл произнесенных слов тягучей пеленой непонимания... Кажется, это промерзшее насквозь тело было моим. Какой холод, какой смертельный холод, сжимающий ледяной лапой само сердце...

Приходил я в себя долго, страшно долго – и каким-то образом знал об этом. Сознание бродило в потемках, не в силах вырваться на волю, порождая странные видения. Какое-то жуткое красное солнце, какая-то странная равнина, выкипающая от жара этого красного солнца... Разрозненные обрывки слов, образов, понятий мучительно долго собирались системой восприятия в единое целое... И наконец, спустя целую вечность, с первыми проблесками утра, тьма отступила. Сознание еще ускользало, но готово было уже включиться и вытащить меня из темного мира холода и безмыслия...

Потом я услышал этот голос, пожелавший мне что-то объяснить, и приложил огромное усилие, чтобы поднять веки.

Длинный худой силуэт навис надо мной, накрыв своей тенью скупой утренний свет, остановившийся на моих коленях. Несколько секунд силуэт дрожал и расплывался, словно явился из мира духов, затем зрение сфокусировалось, и при-

зрак превратился в высокого, закутанного в грязный серый плащ до колен человека. Из-под мятой широкополой шляпы на голове незнакомца выбивались длинные, до плеч, спутанные космы темных волос, вытянутый крючковатый нос и узкие, словно росчерк бритвы, глаза придавали ему свирепейший вид.

– Ты не очень вежливо обошелся вчера с моим братом, иноп, – оскалился незнакомец, демонстрируя ряды острых, узких звериных клыков, усеивающих обе челюсти. Опасный блеск глаз, буравивших меня, не предвещал ничего хорошего. – Негоже так поступать в гостях. Придется мне преподать тебе урок вежливости.

Он резко нагнулся, взялся обеими лапами за куртку на груди и одним рывком поставил на ноги. Грудь незнакомца оказалась на уровне моих глаз, настолько он был высок, очень высок. Встряхнув меня, точно тряпичную куклу, он хрипло рассмеялся:

– Да ты у нас недомерок, иноп. Как же ты осмелился поднять руку на моего брата?

Кулак вынырнул откуда-то сбоку и припечатался к подбородку. Меня швырнуло назад, на стену за спиной, затылок пронзила острая боль. Крик застрял где-то в горле, тело было словно чужим и жило само по себе. Второй удар догнал сверху, когда я уже сползал по стене вниз, и бросил лицом на землю, густо пропитанную тошнотворным запахом экскрементов. В голове стоял туман, во рту медленно расходился

привкус крови. Собрав ту малую толику сил, что у меня имелась, я попытался отползти в сторону, но грубый башмак тут же придавил к земле правую кисть. Я бессильно замер. Тупая боль медленно потекла по руке, накручивая напряжение в мышцах.

– Оставь его в покое, прыгун, – слышался еще один незнакомый голос. – Не видишь, что ли, в каком он состоянии? Труднее было бы избить младенца, герой.

– А вот это уже не твое дело, Целитель, – огрызнулся крючконосый.

Башмак надавил на пальцы сильнее. Стиснув зубы, я и на этот раз не издал ни звука. Кое в чем мне этот парень даже помог, не подозревая об этом. Именно от боли я начал приходить в себя быстрее. Уткнувшись лицом в тошнотворную вонь, я внимательно слушал.

– Не угадал. Это мое дело, Бигман Шест, – спокойно возразил второй. – Дос Пламя назначил меня его опекуном на сегодняшний день. Когда он будет готов к испытанию, я тебя позову. А теперь убирайся!

Долгая напряженная пауза. Послушает этот крючконосый того, второго?

– Ладно, Целитель, – с холодной злобой проговорил крючконосый. – Я не буду его трогать. Пока. Только позови меня первым, когда подойдет время. За право разделать этого малого на отбивные я буду драться с кем угодно.

– Считай, что твоя кандидатура утверждена.

Я услышал странный звук – словно кто-то хлопнул ладонью по стене над головой, и башмак, маячивший перед глазами, вдруг исчез. В лицо слабо толкнулся воздух. Можно было подумать, что этого грязного типа ветром сдуло.

Сильные руки подхватили меня под мышки и прислонили к стене. Передо мной предстал пухлый краснолицый коротышка всего метр с чем-то ростом, казалось, целиком состоящий из округлостей – шаровидная голова с коротко остриженным ежиком волос, дутые щеки, огромный живот, распирающий драную зеленую куртку, коротенькие толстые ляжки, обтянутые штанами того же зеленого цвета. Но больше поражал не столь малый рост, а глаза этого карлика – круглые, ярко-желтые, как бы светящиеся изнутри, с черными вертикальными зрачками-лодочками. Звериные глаза. Силы неба, куда же это я попал?

– Как себя чувствуешь, парень? – в голосе коротышки прозвучало неподдельное сочувствие.

– Нормально, – пробормотал я, с трудом ворочая окостеневшим языком. Кажется, кроме разбитых губ, ноющих от удара зубов и отдавленных пальцев все остальное было цело. И по-прежнему одолевала какая-то дурацкая, изнуряющая слабость. Мышцы подчинялись с натугой, тело все еще было каким-то чужим. По крайней мере с языком я уже справлялся сносно, поэтому не замедлил поинтересоваться: – Куда он делся, этот тип? И какого Зла... ему было надо от меня?

– Делся... – толстячок пожал плечами. – Он прыгун, и

этим все сказано. Или ты не знаешь, что это такое?

Я знал. Теперь звук хлопка, сопровождавшего исчезновение крючконосого, стал понятен.

— Но почему этот парень имеет на меня зуб? Я... никогда не видел ни этого прыгуна... ни его брата, о котором он толковал.

— Не видел — да, — согласился толстяк. — Но дело в том, что вчера ты испортил портовикам все представление. Охота — одна из тех редких забав, на которой они отводят душу, а ты не дал им насладиться финалом, подстрелил погонял-кукольников на самом интересном месте. Ребята на тебя очень злы. Сам знаешь, что чувствуешь, когда приходишь в себя после парализующего выстрела — ощущения приятными не назовешь. Все тело кажется набитым мелким колотым стеклом, режущим при каждом движении. И особенно зол этот прыгун, Бигман. Среди кукольников был его брат.

Адское пламя!

Вот теперь я вспомнил, и это воспоминание нагнало на меня тоску по самое не хочу. Потому что я все еще находился в этом проклятом Городе, где на меня была устроена травля, как на дикое животное, и где мне быть не хотелось... Но пока я был слишком слаб, чтобы что-то предпринять. И что-то непонятное творилось с памятью, я не помнил финала. Провал начинался сразу после моего выстрела из парализатора, отправившего большую часть кукольников в незапланированный отдых на пластобетонных плитах.

– Понятно, – угрюмо проговорил я. – А почему свои претензии не высказал сам кукольник? Действие парализатора длится всего пару часов, мог бы выбрать время, чтобы нанести визит... Впрочем, какая разница...

– Ну, в этом отношении тебе повезло, – не согласился краснолицый коротышка. – Немой Отшельник не из тех парней, что мстят по любому поводу. Он считает, что твой выстрел – равноправный ответ на их игру. Бигман же с этим не согласен. Бигман Шест у нас крутой парень, – толстяк усмехнулся, – и решил сделать работу за своего брата. Думаю, во время испытания ты встретишься именно с ним, и если так, то я тебе не завидую. Ладно, теперь поговорим обо мне. Я – твой...

Лицо коротышки плыло, раздваивалось и снова собиралось в фокус, слабость накатывала волнами, одна за другой. Очень похоже было на приступ синей лихорадки, которую я когда-то перенес в одной из командировок на Искарione-9, и у меня возникло опасение, не подхватил ли я ее снова. Это было бы скверно, очень скверно. Свалиться в забытие в незнакомом и враждебном месте, не имея возможности защищаться... Очень непривлекательная перспектива.

Слова коротышки доносились то слишком резко, то слишком глухо, так что почти невозможно было разобрать, о чем идет речь. Я напряг слух. Информация – оружие номер один, если нет ничего другого.

– ...опекун на сегодняшний день. Это означает, что я дол-

жен проследить, как ты освоишься после замены, и подлатать, если получишь увечья во время испытания. Я местный целитель, меня здесь так и зовут – Целитель. А теперь давай поиграем в одну полезную игру, называется «вопросы – ответы». Как ты думаешь, где ты находишься?

Сидеть на голой земле было жутко неудобно, ноги затекли, поясница ныла. Я поерзал, выбирая более приемлемое положение. Все-таки одежда из экровелена, мелькнула мысль, это вещь. От земли разлило мочой и экскрементами, но сырость сквозь брюки я не ощущал. Не ощущался и холод, сопутствующий сырости... Может быть, потому, что я и так основательно замерз за ночь, проведенную на земле...

– Сначала я хотел бы узнать, что кроется за словами «испытание» и «замена», о которых ты говоришь так значительно, – проворчал я. – Какое это ко мне имеет отношение?

– Это слова, которые тебе на Шелте следует произносить с большой буквы, парень, – усмехнулся коротышка. – А теперь попробуй ответить на мой вопрос, который я тебе уже задал.

Мне остро захотелось послать его куда-нибудь подальше и забыться на пару часиков, чтобы прийти в себя как следует. Но я заставил себя придержать свое раздражение на весь этот неуютный мир, в котором оказался. Не стоило изливать его на того, кто избавил меня, по крайней мере на время, от крюконосого прыгуна. Кстати, о прыгунах. Едва заявившись на эту планету, я уже успел «познакомиться» с летуном, кукольниками, а теперь еще и с прыгуном. Это наводи-

ло на тревожные мысли. Если в одном месте имеются обладатели целых трех паранормальных способностей, то почему не быть и четвертой? А может, и пятой... Силы неба, и куда же это я попал?! Я спохватился – коротышка терпеливо ждал моего ответа. Следовало по крайней мере проявить элементарную вежливость к своему «спасителю».

– Странный вопрос... Где я нахожусь? Я нахожусь в вашем дурацком Городе, на вашей дурацкой планете и, честно говоря, не понимаю, что я здесь делаю... Надеюсь, я не оскорбил тебя в твоих лучших чувствах...

– Вовсе нет, – мирно ответил толстяк. – Твои чувства мне вполне понятны. Что же до моих чувств, то этот Город не мой, я здесь такой же чужак, как и ты. Просто живу в этом месте чуть подольше тебя.

– О-о, – заинтересовался я. – Так ты не местный? Ты, случайно, попал сюда не тем же путем, что и я?

– Об этом чуть позже. Я должен тебе кое-что объяснить. Ты находишься на одной из двух толкучек Города. Местные жители так его и называют – Город, так как он единственный на Шелте, в коем еще сохранилась жизнь. Дикое, заброшенное, но на свой лад удивительное место...

Целитель медленно приблизил свое лицо к моему. Желтые глаза горели внутренним огнем, проникая мне прямо в мозг... Странное, смутно знакомое оцепенение разлилось по телу, но опасности я не почувствовал. Казалось, он что-то искал во мне. И нашел. Как будто выудил какую-то занозу, и

я наконец включился в действительность. Событие это ознаменовалось многоголосым шумом, обрушившимся на мою многострадальную голову со всех сторон. Переход от ватной тишины к шуму был настолько резок, что я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Признаки лихорадки тут же бесследно сгинули, а силы начали стремительно возвращаться.

Ошеломленный, я огляделся вокруг себя, только теперь сообразив, что на площади кроме нас с Целителем все время был народ.

Круглая площадь была не менее двухсот метров в поперечнике. Ее окружали высокие глухие стены, и только в одном месте темным пятном проступала арка проезда. Стены были когда-то трехэтажными зданиями, и уже позже по каким-то причинам окна замуровали – их квадраты и сейчас выделялись на общем фоне более темным цветом.

Треть площади справа от арки занимали торговые ряды, заполненные продавцами и покупателями; кто из них кто, отличить было почти невозможно, одеты были все одинаково – в какое-то бесформенное тряпье, но торговля шла полным ходом. Мимо меня то и дело сновали какие-то подозрительные личности с не менее подозрительным скарбом, бросавшие на меня подозрительные взгляды и исчезающие в общей сутолоке этого подозрительного базара. Беспорядочное мелькание лиц, рук и ног, наслаиваясь на восприятие, заставляло в избытке ощущать течение местной жизни. А невыносимая помоечная вонь, шум и грязь добавляли своеобраз-

ный «аромат» во весь этот винегрет. Вот уж действительно толкучка.

Внимание привлекла небольшая группа в стороне от толпы. Там, в центре круга, образованного немногочисленными зрителями, такими же оборванцами, как и все остальные на этой толкучке, шло представление: закованные в рыцарские латы два человека сражались на мечах. Латы ослепительно блестели при выпадах, длинные двуручные мечи сверкали огнем. Рыцари рубились отчаянно, жестоко, насмерть, но оба умело отражали удары друг друга. Изумленный и завороженный, я неподвижно уставился на этих ребят. Такое я видел только дома по визосети, хотя и знал, что на некоторых планетах подобные вещи входят в образ жизни...

– Фантомы, – снисходительно пояснил Целитель, заметив мое изумление. – Кукольники забавляются. Ты тут посиди, а я отлучусь на минутку...

Он нырнул в толпу и исчез.

Ах вот оно что. Мне сразу показалось, что что-то не так, а теперь дошло, что сражение было совершенно беззвучным. При воспоминании об устроенной мне кукольниками западне по спине прокатилась волна холода, скулы инстинктивно напряглись, зубы сжались. Сейчас все выглядело несколько в ином свете, но вчера... Вчера я на самом деле ждал смерти. Подобный кошмар забыть непросто, как и пережить его. Страх осел глубоко в подсознании, в мышцах, сокращавшихся непроизвольной дрожью при одной мысли об этом.

Но, несмотря на мгновенно укоренившуюся в душе ненависть к кукольникам вообще, я отдавал должное их мастерству. Руководившие рыцарями кукольники угадывались среди зрителей по почти полной неподвижности. Высокое искусство требовало большого внутреннего напряжения, полной концентрации на выполняемой задаче – и выглядело все исключительно правдоподобно.

Сражение подходило к финалу. Псевдорыцари заметно покачивались, с видимым усилием поднимая тяжелые мечи, – то ли устали сами кукольники, то ли имитировалась усталость рыцарей (скорее последнее, ради артистичности). Сверкающие клинки скрещивались и отлетали друг от друга в фонтанах желтых искр, зеваки кричали, подбадривая сражающихся. Один из бойцов наконец сумел пробить защиту противника, и меч неудачника отлетел вместе с его кистью, растаяв прямо в воздухе. Обезоруженный рыцарь пошатнулся, затем попытался ударить соперника ногой, но следующий удар снес ему закованную в металлический шлем голову. Голова беззвучно шлепнулась на землю и бесследно растворилась, ноги бойца тут же подогнулись, и он рухнул вниз кучей металлолома. Победитель же ликующе вскинул вверх руку со сверкающим мечом, салютуя толпе. Затем оба исчезли, и зрители медленно разошлись, оживленно обсуждая бой. Кукольники пожали друг другу руки и тоже отправились во-свояси. Мастерство фантомов, как я понимаю, определялось мастерством их хозяев, и проигравший, похоже, не держал

зла на победителя...

– Эй, парень, очнись!

Пока я был занят представлением, коротышка успел появиться снова. Он притащил два обшарпанных пластиковых табурета, на один помог взобраться мне, а на второй уселся сам – ко мне лицом.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Так намного лучше.

– Ладно, чего там. Продолжим разговор. Ты помнишь, как сюда попал?

– Помню ли я? – я удивленно вздернул бровь. – Да я не могу этого забыть!

И самое мое острое желание – убраться с Шелты, добавил я про себя. Но вслух я этого говорить не стал, так как не был уверен, что могу доверять этому человечку. Я вообще не был уверен в том, что смогу кому-либо довериться на этой планете. Прием был здесь скверный. Наказание Почтовой Корпорации тоже не будет приятным, но ради возвращения в цивилизованный мир я готов принять его без особых возражений, тем более что вины своей я не отрицал. На Шелту меня никто не посылал... Кроме того ублюдка, который заставил меня сойти против воли, заблокировав на время память. Добраться бы мне до этого типа... Я даже скрипнул зубами от злости, представив, с каким удовольствием свернул бы ему шею.

– Прекрасно, просто замечательно... – как-то странно усмехнулся толстячок. – В таком случае у тебя еще есть шанс

рассказать мне о себе.

– Это еще зачем?

– Поймешь... позже. И меня еще поблагодаришь. Давай, парень, не стесняйся, выкладывай историю своей жизни. И желательно, побыстрее.

– Силы Зла, только не надо загадок, – раздраженно проговорил я. – Меня от них просто тошнит. Оставь свое «позже» для других лопухов, которых угораздит попасть сюда после меня...

Сказал и тут же сильно пожалел о вырвавшихся словах.

– Вот о чем ты думаешь, – толстые губы толстячка растянулись в едкой, ироничной улыбке, ясно говорящей о том, каким же кретином он меня считает. – Ты, верно, полагаешь, что сейчас спокойно встанешь и смоешься из Города? Забудь об этом. То, о чем я тебя прошу, делается для твоего же блага. Но объяснять это тебе сейчас – даром тратить время. Просто поверь мне. Ладно? Возможно, я единственный, кто сможет тебе здесь помочь. Не спрашивай, почему я это делаю. А теперь продолжим: тебя не удивило, что никто из местных ребят тобой до сих пор не интересовался?

– Никто? – на этот раз пришлось съязвить мне. – А руку мне отдало привидение?

– Бигман лишь чуть более нетерпелив, чем остальные. Желających же пустить тебе кровь куда больше, чем тебе кажется. И не подоспей я вовремя, этим бы и закончилось.

– Ну хорошо, – я скользнул хмурым взглядом по толкуч-

ке. – И в чем же дело?

– В действительности все очень просто. Тебя не трогают по традиции, до испытания. Вернее, как ты правильно заметил, стараются не трогать. Подавляющее большинство оставляет возможность наказания за нарушение традиций, но кое у кого зуд в руках сильнее страха. Поэтому местной властью назначается опекун, чтобы следить за порядком. Я обязан позаботиться, чтобы к испытанию ты был абсолютно здоров. Физически, конечно. Своей психикой ты займешься сам.

– И что же это такое, испытание?

– Видишь ли, испытание – это такой же древний ритуал, как и охота, поэтому необходимо просто набраться терпения и немного подождать... – Целитель остро глянул на меня. – А теперь рассказывай о себе.

– Ты ушел от ответа. Что представляет собой испытание?

– А ты слишком упрям. У нас нет сейчас времени на твои вопросы. Ты должен рассказать о себе.

Заметив, что я все еще колеблюсь, он нетерпеливо махнул рукой:

– Ладно, чтобы не терять времени, я кое-что тебе объясню. Ты когда-нибудь слышал о шептунах?

– Шептунах? – недоуменно переспросил я. – Пожалуй, нет...

Неожиданно я вспомнил:

– Подожди-ка... Это не тот ли парень, что участвовал в

охоте вместе с кукольниками? Не знаю, какую роль он в ней играл, но догадываюсь, что, так же как и кукольники, он обладает какой-нибудь параспособностью... Похоже, на Шелте все поголовно ментаты. Я подсек его вместе с остальными, и здоровенный тип, руководивший всем этим делом, что-то говорил насчет шептуна... Но дальше я ничего не помню, и это странно.

– Все верно, – кивнул Целитель. – Этого я и боялся: ты ничего не знаешь о дорриксах.

– Шептун – чужой? – насторожился я.

– Не просто чужой, а чужой-монотелепат. В Городе их двое, каждый обслуживает свой район. Хочу обратить твое внимание на то, что кукольники не способны произвести тот рев, который издавала псевдорептилия во время охоты. Местные ребяташки могут только читать эмоции...

– Силы неба! Все шелтяне умеют читать эмоции? Ты хочешь сказать, что все шелтяне являются эмпатами? – Я был изумлен и встревожен, так как эта новость еще более осложняла побег.

– Генетическая мутация после пандемии, – пояснил Целитель. – Будь добр, не перебивай меня. Так вот, дорриксы, не воспринимая чужих мыслей конкретно, способны внедрять в чужой мозг свои. И мысли, и ощущения. Поэтому их прозвали шептунами. Доррикс создавал эти звуки прямо у тебя в голове.

– Вот скотина... – Я прикусил язык: а вдруг эта тварь меня

подслушивает?

Целитель пару секунд неодобрительно смотрел на меня, прежде чем продолжить:

– Вернемся к шептунам. Настоящая их работа заключается в том, что они стирают у новичка память и наслаивают новую – ложную. После этого чувствуешь себя местным жителем, забывая прошлую жизнь начисто. Так вот. – Он выдержал многозначительную паузу, прежде чем ошеломить меня следующей новостью: – Ты уже обработан, запрограммирован шептуном. Сразу после испытания, в назначенное шептуном время, личность твоя будет стерта. Таков порядок – сначала испытываются способности новичка в его истинном сознании, и, если он действительно умеет что-то дельное, способное заинтересовать, например, самого Доса Пламя, шептун может стереть память лишь частично, оставив уникальные способности. Если же нет, то происходит полная замена личности. Но я, я смогу вернуть тебе память и после замены, по крайней мере большую часть, при условии, что буду знать о тебе как можно больше и у меня будет достаточно зацепок, чтобы поработать с твоим подсознанием.

Он умолк и выжидающе уставился на меня своими кошачьими глазами. Я же сидел неподвижно, как манекен, похолодев до кончиков пальцев ног, как только осознал смысл сказанного. Силы Зла, вот как у них здесь делается! Жертву не просто грабят, ей стирают память, и несчастный, попавший в подобную ловушку, уже не может сбежать и расска-

зять, что здесь происходит. Нет ничего странного в том, что пленников не убивают – так, несомненно, было бы проще прятать концы в воду, но людские ресурсы на Шелте были явно невелики, и пополнение извне всегда приходилось кста-ти. Весьма малоутешительные новости... Нет, но как скверно все получается, хоть плачь. Чем дальше, тем все хуже и хуже...

– Целитель... – я запнулся, кашлянул, нервно провел пальцами по проступившей на подбородке однодневной щетине. – Ты... ты в состоянии убрать телепатему шептуна прямо сейчас? Я нашел бы способ отблагодарить тебя. Клянусь, нашел бы... После того как вырвался бы отсюда. Да, ты прав, я не собирался здесь оставаться и не знаю, почему я говорю это тебе, хотя вижу тебя первый раз в жизни и, следовательно, не должен доверять, но твое известие о замене... Силы Зла, я уже ни в чем не уверен!

Коротышка покачал круглой головой:

– Я сильнее многих местных ментатов, парень, но и мои способности ограничены. Я не могу противостоять шептуну, по крайней мере открыто... Боюсь, тебе придется через все это пройти, как и другим парням до тебя... – Он неожиданно вспылил, но не закричал, чтобы не привлекать внимания, а зашипел сквозь зубы, сердито сверкая глазами: – Да говори же, парень, галт тебя задери, погибель на твою задницу! У нас может не хватить времени до испытания! Я не знаю, когда его назначил шептун – он сообщит об этом позже, и не

стоит с этим играть!

Реакция на это крик «втихую» удивила меня самого. Ко мне пришло спокойствие. То самое фатальное спокойствие, что приходит к некоторым приговоренным к смерти, когда их голова ложится на плаху под топор палача и ничего изменить уже невозможно.

– И все-таки, Целитель, ответь мне еще на один вопрос. – Я немного помедлил, прежде чем продолжить, скупым движением прошелся пальцами по своей шевелюре ото лба до затылка... И пристально посмотрел ему в глаза. – Почему? Почему ты это делаешь для меня? Вряд ли подобные услуги входят в местные традиции. Ты не боишься, что...

– Конечно, нет, – ответная улыбка толстяка была полна насмешливого превосходства. – Такой, как я, – единственный в Городе. Я нужен здесь. Давай, парень, рассказывай.

Ответ не был исчерпывающим. Но – один раз я уже позволил себе непростительную глупость, не поверив старику-летуну, встретившему меня вчера на входе в Город, и на этот раз я решил довериться этому толстячку-карлику. Впрочем, я поверил ему значительно раньше, инстинктивно.

Рассказ я предельно сжал, помня, что времени может не хватить...

Мастон Никс, родился на Нове-2. До двадцати четырех – серые однообразные будни на ферме, доставшейся в наследство после смерти отца и заслонившей весь мир от меня тяжелой, изнурительной работой, вечной усталостью и

недосыпанием; полуголодное существование. Работа сводилась к выращиванию культуры медит, существование которой вдохнуло жизнь в особое трансовое искусство, весьма популярное на Нове-2, под названием Мобра, или искусство малой магии, как окрестили его большинство соседних планет по Федерации. Вытяжка из корней и листьев растений медит, произрастающих только на Нове-2, особым образом настраивает метаболизм человеческого организма, делая его способным к изменению физико-химических характеристик под воздействием специально смоделированных зрительных восприятий...

Но чтобы перейти от теории к практике, медит еще нужно вырастить. Эта мерзкая культура чрезвычайно капризна к малейшим изменениям погоды, магнитных полей, концентрации света и влаги... Да в общем ко всему. Злоклятая дрянь просто не желала выращиваться на моих полях, наплевав на все мои титанические усилия, и из трех лет лишь один год, предпоследний, был сомнительно урожайным, позволив мне кое-как залатать прорехи старых долгов и с новым самоубийственным воодушевлением влезть в новые. Работа... Смех и слезы, а не работа.

Последний год меня доконал окончательно. Солнечная активность превысила допустимую норму почти в три раза, и моя драгоценная медит просто-напросто сдохла, вся и бесповоротно. Плевался я долго... А затем решил окончательно и бесповоротно, что для меня одного эта злоклятая ферма –

ноша просто непосильная, и пусть предки ворочаются в гробу, а с меня хватит, возней с травой я был сыт по горло. Я решил, что заслуживаю лучшей жизни, чем ковыряться изодня в день на занюханном клочке земли, продал ферму и подался на поиски новой работы в Новьен, ближайший крупный город от моих бывших «владений».

И почти сразу нашел, казалось, то, что желал...

В бюро по трудоустройству, на сверкающем неоновом плакате, я увидел бравого молодца с квадратным подбородком, затянутого в красивый черный костюм из экровелена поверх синей шелковой рубашки. Экровелен был очень дорогой и чрезвычайно популярной тканью на Нове-2. Материал был влагонепроницаем, стоек к разрыву и высокой температуре, и носить его можно было целыми десятилетиями без всякого видимого ущерба. Молодец красовался на фоне ночного звездного неба и несущихся вдаль космолетов, а в руке у него был черный чемоданчик с эмблемой Почтовой Корпорации Новы-2. Эмблемой, казалось бы, не имеющей ничего общего с самой работой посыльного, – космолет, пробитый навывлет багровой зигзагообразной молнией с пылающим желто-белым острием. Такая же эмблема горела у посыльного на груди.

Жажда романтики, вспыхнувшая во мне при виде этой картины, впоследствии удивляла меня самого. Скорее всего, не обошлось без подсознательно наведенной рекламы, но в тот момент я не стал разбираться в побудительных причи-

нах своего желания, а напрямик отправился к вербовщику. Мне захотелось во что бы то ни стало посмотреть на другие миры своими глазами. В конце концов, я не был просто тупым, ограниченным только своей работой фермером. Я был достаточно любознателен и настойчив, чтобы в редкие часы досуга смотреть по визосети не только развлекательные программы с пышногрудыми красотками, обладающими полным набором неотразимых прелестей, но и изучать специальные инфоблоки, позволяющие заниматься самообразованием.

Даже условия контракта не поколебали моей решимости, хотя представляли они собой не что иное, как десятилетнее рабство. Зато, считал я, – на полном жизненном обеспечении, с хорошей зарплатой, с легкой работой. В общем, мечта идиота. И надо признаться, сначала я ни о чем не жалел. Новизна впечатлений, хлынувших во время первой же командировки в мой неискушенный ум, затмила всю предыдущую жизнь. Почти волшебный мир, если бы не горькая проза жизни, – полет, звезды, сама атмосфера межпланетного корабля, где я тусовался среди самых необычных пассажиров, видимых ранее лишь по визосети, – чужих. Меня это жутко увлекало, я трепал языком почему зря, знакомился направо и налево, бывало, нарывался по незнанию на крупные неприятности и впредь предусмотрительно старался запомнить обычаи чужих, которые мне эти неприятности доставили. Казалось, подобная работа не приестся и за сотню лет,

что там какие-то десять, обусловленные контрактом...

Приелась. Уже через год. Постоянная болтанка от планеты к планете набила оскомину, впечатления потускнели от избытка, выпендреж большинства рас надоел до смерти, «инность» уже вызывала тошноту, а не любопытство. Страстно захотелось где-нибудь на время осесть, забыться, отдохнуть, прийти в себя и привести в порядок свои мысли и планы на будущее. Но, увы... контракт. Мои желания никого не интересовали. Я получал очередной груз и мощным пинком Почтовой Корпорации отправлялся с ним к адресату.

Потребность в посыльных моей категории была постоянной – богатые частные лица предпочитали иметь дело с Почтовой Корпорацией, а не с медлительными и ненадежными федеральными почтовыми службами Галактической Федерации Миров, закосневшими в бюрократизме, к тому же частенько подвергавшимися банальному грабежу. Посыльные в Почтовой Корпорации по степени подготовки делились на несколько категорий. Я относился пока к самой низкооплачиваемой и перевозил не особо ценные грузы, но плох тот посыльный, кто не мечтает попасть в элитный разряд. Правда, для этого надо очень потрудиться в физическом и психологическом самосовершенствовании, пройти целую уйму всяких курсов переподготовки – за свой счет, разумеется, но, поверьте мне на слово, это окупалось. Элитный посыльный, или эпол, получал столь дорогостоящие заказы, что по окончании контракта мог больше нигде не работать, суще-

ствуя исключительно на накопленные сбережения. А клиентов у посыльного такого класса из-за высочайшей гарантии доставки груза было хоть отбавляй...

Именно в этом месте рассказа язык мой вдруг онемел. Когда во время пешей прогулки, задумавшись, неожиданно налетаешь лбом на пластобетонный столб, впечатление получаешь примерно такое же. Больно, обидно, глупо.

Я почесал затылок, глубоко вздохнул, открыл рот, собираясь продолжить повесть о своей увлекательной жизни, и... поймал себя на том, что не помню, в чем же заключалась эта злая гарантия доставки грузов. Смутно проступало фоновое ощущение, что связано это было с формой наказания компанией своих нерадивых служащих. И еще – я вдруг остро почувствовал, что вспомнить этот почему-то потерянный кусочек исключительно важно. Нахмурившись, я попробовал с начала, уже мысленно. Жизнь на Нове-2, устройство в Почтовую Корпорацию, бесконечные рейсы, знакомство с Нори... Воспоминание о Нори оказалось странно тусклым и мимолетным... Затем я попадаю на Шелту, участвую в охоте в качестве дичи... Силы Зла, да в чем же состоит наказание Корпорации? Прокол, будь он проклят! А вместе с ним и тот подонок, что копошился в моей голове как в своем курятнике!

Сомнений на этот счет не было – непорядок с воспоминаниями у меня явно из-за шептуна...

– В чем дело, парень? Что замолчал? Что-то неладно?

Наткнувшись на внимательный, изучающий взгляд желтых глаз Целителя, я напряженно кивнул:

– Да. Пропал кусок памяти. Догадываюсь, как...

Я снова умолк. Справа от Целителя прямо в воздухе материализовалась женщина. Одежда заскорузла от грязи, вместо волос – темные спутанные космы, худосочное истощенное лицо – печать нищеты и голода. Слабый порыв ветра, сопровождавший ее появление, донес омерзительную, тошнотворную вонь годами не мытого тела и не стираного тряпья. Тусклые гноящиеся глаза, похотливо обшарив меня снизу доверху, тупо уставились мне в лицо. Меня прямо перекосило от подобного внимания. Внешность, как я уже понял, характерная для шелтян: узкая вытянутая физиономия, игольчатый частокол зубов с парой мощных клыков на верхней и нижней челюстях, вытянутые кверху уши, проступающие сквозь волосы острыми кончиками. На вид, по меркам Новы-2, межлет тридцать. С таким же успехом ей могло быть двадцать или пятьдесят. На Шелте появилась новая раса людей с физиологией, отличной от обычной человеческой. Вот только из-за замкнутого образа жизни шелтян, похоже, мало кто об этом знал в цивилизованном мире.

Женщина хихикнула, то ли увидев во мне что-то забавное, то ли собираясь заигрывать. Наверняка не подозревает, бедняга, что ее жуткая улыбка отбивает всякую охоту ответить ей взаимностью не хуже, чем ее омерзительный занюханный вид. И эта вонь... О небо... Сейчас точно стошнит...

Толстячок, насмешливо улыбавшийся с момента появления «гостыи», коротко хохотнул:

– Ты уже пользуешься спросом, Мастон Никс. Не пугайся, она тебя не укусит, она просто хочет тебя... Эй, да на тебе лица нет! Очень уж у тебя воображение живое. Ну-ну, возьми себя в руки.

– Я тебя умоляю, избавь меня от этой ходячей помойки, – процедил я сквозь зубы. – Ты ведь это можешь, не так ли?

– Ну-у, если ты не в настроении...

– Да! – резко и, зло выпалил я. – Я не в настроении. И ты это прекрасно понимаешь.

Моя агрессивность не произвела на толстяка никакого впечатления, напротив, он ухмыльнулся еще шире. Но просьбу выполнил, махнул «гостье» пухлой ручонкой:

– Пошла отсюда.

Женщина в ответ молча оскалилась и исчезла. Звук хлопка в ладоши – и ее словно и не было. Какое облегчение.

– Хороший на этой планетке набор параспособностей у людей, – пробормотал я, глядя на пустое место, где она только что стояла. – Больше, чем где-либо на планетах Федерации.

– Кукольники, летуны и прыгуны, – подхватил Целитель, соглашаясь со мной. – Действительно, планетка уникальная.

– А как насчет тебя самого? Кто ты сам, Целитель?

Пухлые пальцы толстячка потеревали круглый лоснящийся подбородок. То ли мне показалось, то ли мой вопрос

его изрядно смутил и озадачил... От внезапной догадки мне почему-то стало жарко. Ах ты, Зло его задери... неловко как вышло. С ним, вероятно, шептуны тоже поработали...

– Я же сказал – целитель. А теперь, раз есть время, вернемся к твоему вопросу об испытании. Ты ведь еще желаешь узнать, что это такое?

– Да. Ну?

– Дуэль.

– Очень емкий ответ. Но не помешали бы подробности, знаешь ли.

– Дуэль, схватка один на один... Бигмана не зря кличут Мастером Шеста. – Целитель неопределенно хмыкнул. – Вряд ли ты выступишь. Постарайся просто продержаться как можно дольше, иначе не заработаешь никакого уважения местных. Это важно, так как здесь ты, скорее всего, надолго... Что-то у тебя кислый вид, а? Ты лучше соберись как следует.

– Не вижу, с чего мне веселиться, – мрачно проворчал я. – Хм... Отказаться я, конечно, не могу?

– Еще чего захотел, – Целитель неодобрительно качнул головой, надувая толстые щеки. – Я бы даже попробовать не советовал. Тогда тебя просто искалечат. А потом любой презренный бродяга будет считать своим святым долгом при каждой встрече вытирать о тебя ноги. Пока ты не докажешь каждому из них, что ты не коврик. Это будет куда тяжелее, чем выложиться сразу, один раз, на испытании...

Он с сомнением скользнул взглядом по моей фигуре. Как я выгляжу, я знал не хуже его – невысокий, худощавый, грудой мышц меня никак не назовешь.

– Бигман Шест больше чем на голову выше тебя, – сообщил коротышка после моей физической оценки. – И Мастер Шеста. Но я буду болеть за тебя. Было бы чудненько, если бы ты надрал прыгуну задницу и немного сбил с него спесь. Знаешь, что самое забавное в твоём новообретенном приятеле Бигмане? По крупному счету он неплохой парень. Точнее, один из лучших среди отребья, населяющего Шелту. Тебе просто не повезло, что в охоте участвовал его брат. Здесь слишком скучно, чтобы не позволить себе развлечься подобным образом... Ты ведь меня понимаешь?

Я промолчал, хмуро уставившись на свои ботинки.

«Неплохой парень». Знал я истории, в которых при трагичном стечении обстоятельств самые нормальные, хорошие люди становились смертельными врагами на всю жизнь. Но этот «неплохой парень», думаю, не понравился бы мне в любом случае. Что может сделать бывший фермер против профессионального драчуна и «неплохого парня» Бигмана? Единственное, что у меня было в арсенале, так это искусство Мобра. Ежедневно обрабатывая поле с медит, я не мог не соприкоснуться с самим искусством. Мой бывший приятель, сосед по ферме, как-то показал мне, как принимать выжимку из культуры, и рассказал об азах техники структурирования мыслеобраза в теле. Вообще, Мобра есть искусство

пробуждения максимальной жизненной силы, заключенной в человеческом теле, и, хотя я кое-что усвоил, блестящими способностями я не блистал. Мне просто было некогда этим заниматься, больше приходилось думать о куске хлеба насущного. Вот если бы я был Мастером Мобра, позволил я себе помечтать, то никакие прыгуны не вызвали бы у меня проблем... Но я так и остался дилетантом, поэтому малая магия Новы-2 могла мне и не помочь... Так что Целитель может смело болеть за Бигмана. Его расположение ко мне, совершенно незнакомому для него человеку, по-прежнему казалось мне подозрительным. Или он болеет за всех «обиженных и обойденных»?

– Расскажи о замене, Целитель. Как это происходит?

– Понятия не имею. – Коротышка снова потер подбородок, слабо усмехаясь. – Никогда не испытывал. Я ведь попал на Шелту еще до появления шептунов, а на старожилах Шефир экспериментов не проводил.

Вот как. Я был удивлен. Вот что значит делать поспешные выводы.

– Кто такой Шефир?

– Да брось ты, парень. Ты что, не заметил, что я до сих пор практически ничего не рассказал тебе о Городе?

А вот после этого я разозлился, и разозлился крепко. Какого Зла он тут выпендривается? Мне не нужна его жалость. Вообще ничья жалость не нужна. Нечего меня унижать только по той простой причине, что я попал в эту мерзкую ло-

вушку. С любым может случиться. Не хочет трепать языком, полагая, что после этой идиотской замены я все равно все забуду, что ж – его право. Да только кто знает... Как раз таки здесь Мобра может мне помочь, даже в том малом объеме, что я с ней знаком...

– Я не забуду, Целитель.

– Какие мы сердитые, аж страшно, – посмеиваясь, ответил он. – Посмотрел бы на себя со стороны, прямо зубами скрежещешь... Только я видал уже таких наивных. Или упрямых. Не хочешь смотреть фактам в лицо? Дело твое. Хотя, скорее всего, в этом упрямстве сказывается недостаток информированности... Шептун – это не шуточки, Никс. Отнесись к этому серьезно и готовься к испытанию.

Любой на моем месте вспылил бы после этого. Он меня просто достал своими усмешечками. Кулаки на коленях против воли сжались так, что посветлели костяшки пальцев.

– Зло бы тебя забрало, толстяк! Да, я не уверен на все сто, что я не забуду, но не слишком-то приятно, когда в твоём поражении несколько не сомневается кто-то другой! Мне не помешала бы моральная поддержка, раз ты такой сердобольный, а вот свои приколы ты лучше оставил бы при себе!

– Галт, – невозмутимо поправил он. – Галт бы тебя задрал.

– Что? – не понял я, сбитый с толку его репликой.

– Скоро ты будешь говорить именно так. Это местный жаргон, эквивалент тому, что ты только что произнес. Как ты там сказал: «Зло бы тебя забрало, Целитель!» Хи-хи. Класс-

но звучит. Но не по-нашему.

– Я вижу, тебе очень весело, – медленно процедил я, ощущая, как злоба черным облаком поднимается со дна души, окончательно заслоняя самоконтроль. Кому-то я сейчас сверну голову. Определенно. И этот «кто-то», скорее всего, будет маленький, толстенький и зелененький. Определенно.

– Грустно, – возразил он, вдруг скомкав улыбку и сразу посерьезнев. – На самом деле мне очень грустно, Никс. Сейчас будет испытание, и Бигман тебя покалечит. А я буду тебя выхаживать. Но самое скверное будет, если замена начнется во время испытания, бывает, и шептуны ошибаются в своих прогнозах. А, ладно, что гадать. Чтобы там ни было – все уже предопределено.

Все уже предопределено...

У нас, на Нове-2, вдруг пришло мне в голову, так поступают с преступниками. С помощью специальной аппаратуры, в зависимости от приговора Судебной Машины, людям заменяют память, промывают личность или меняют ее полностью. Был один человек – стал совершенно другой. Меняется все – поведение, привычки, мировоззрение, жизненный опыт. Как-то даже не укладывалось в голове, что подобное скоро может произойти и со мной. Рассудок это упорно отрицал. Силы Зла, да бред все это, натуральный бред сивой кобылы!

Я свирепо глянул на Целителя:

– Я очень постараюсь ничего не забыть, Целитель. Хотя

бы ради того, чтобы доказать тебе, Что инопланетники с Новы-2 кое-чего стоят. Я надеюсь на то, что мне удастся это сделать... А на тот случай, если нет... Ты, кажется, говорил, что если новичок заинтересует Доса Пламя или Шефира – думаю, кто-то из них твой шеф, или оба сразу, о чем ты упорно умалчиваешь, то память, хотя бы частично, будет ему возвращена? Так ведь? Я правильно тебя понял? Если я выиграю на испытании...

– Вот и отлично, Никс! – Толстячок с чрезвычайно довольным видом хлопнул пухлыми ладошками по не менее пухлым коленкам, издав звук лопнувшей резины. – Я уж думал, что не смогу как следует тебя завести, больно уж кислая у тебя была физиономия. А сейчас – любо-дорого посмотреть, боевой пыл налицо, извини за каламбурчик.

Я прямо зашипел от такой откровенности, с трудом удерживаясь от того, чтобы не вскочить и не отвесить оплеуху этому маленькому...

– Ах ты, маленький...

– Засранец, да? Молодец! – Целитель подмигнул. – Продолжай в том же духе! Чтобы справиться с Бигманом, мало иметь хорошие, ничего-не-забывающие мозги, надо еще как следует...

– Сейчас я это исправлю, – раздался рядом уже знакомый хриплый голос.

В мгновение ока я оказался на ногах, резко развернувшись всем корпусом навстречу говорившему. Одновремен-

но с этим правая рука, покорная выучке, быстро скользнула под куртку за «максом»... Ах, проклятие – у меня же ничего не было.

В двух шагах, небрежно расставив длинные ноги, с самоуверенной усмешкой на тонких, как след от карандаша, губах стоял Бигман Шест. На долговязом шелтянине был тот же наряд – огромная широкополая шляпа на голове и просторный, до колен, плащ из серой ткани, местами в прорехах, наглухо застегнутый до горла. Обе его руки сжимали по шесту из темного полированного дерева, длиной метра по два каждый. А в только что произнесенных словах было столько самоуверенной злобы, что нестерпимо захотелось размазать его физиономию о ближайшую стену, не дожидаясь сигнала к началу потасовки. Коротышка, хитрая бестия, действительно меня завел.

Сколько прыгун слышал из того, что мы тут наговорили? Впрочем, не важно. Я сверну ему шею, и информация не уйдет дальше его ушей, что бы он ни услышал. Очень простое решение проблемы.

– Сейчас я это исправлю, – повторил Бигман, повторил неторопливо, тщательно разделяя каждый слог. Он наклонился вперед и выдохнул мне в лицо запах испорченного желудка. – Сейчас я вышибу тебе твои мозги, иноп, твои хорошие, ничего-не-забывающие мозги.

5. Испытание

– Ты уверен, что время испытания пришло, прыгун? – Коротышка крутанулся на табуретке, чтобы развернуться к Бигману лицом.

На мой взгляд, вопрос был праздным. Вокруг нас быстро собиралась толпа зрителей. Желающих поразвлечься оказалось хоть отбавляй, но иного я и не ожидал. Каково общество, таковы и развлечения. Однако что-то слишком плотно они нас обступают...

– Конечно, Целитель, – насмешливо осклабился Бигман Шест, – Дос Пламя прислал мне разрешение. Теперь твоим подопечным займусь я.

Коротышка неторопливо, с достоинством встал, словно король перед своими подданными, и внезапно замахал ручонками не хуже ветряной мельницы, испортив все впечатление.

– Осади назад! – сердито зарычал толстячок. – Вы все знаете правила – десять метров для боя! Давай, давай, не задерживай! Чем шире круг, тем лучше представление! Пошевеливайтесь! Ты, носатый, куда прешь, глаза потерял, что ли? А ну убирай свои ходули, пока я их тебе в задницу не вставил! Ну никогда никакого порядка, галт вас задери! Живее двигайтесь, живее, еще немного... Вот, так уже лучше, здесь вот еще чуток... Все, хорошо. Теперь порядок.

По сравнению с утренним пробуждением мое самочувствие было уже более или менее сносным. Пока шелтяне послушно теснились, образуя круг в требуемые десять метров, я тоже времени не терял – подыскивал подходящий к случаю Ключ Мобра. Вчера из-за постоянной спешки я так и не сумел воспользоваться услугами Мобра, но теперь возможность для этого была. Я неплохо владел Камнем, пожалуй, даже лучше, чем всеми остальными Ключами, но сейчас мне это почти ничего бы не дало – ну принял бы безболезненно два-три очень сильных удара, а затем вышел бы из игры. Дело в том, что ваш покорный слуга Мастон Никс был зверски голоден, и от слабости у него слегка кружилась голова. Как-никак, я не ел уже больше суток. Поэтому, подбирая Ключ, я должен был учитывать, что любой из них при катализации отнимет большую часть той энергии, что у меня имелась.

Между прочим, со стороны забавно было бы смотреть, как такой маленький человечек, как Целитель, уверенно командует столь огромным сборищем народа, но в данный момент мне было не до веселья. Происходящее касалось меня непосредственно.

Сформировав круг нужного диаметра, толпа прекратила движение.

Безотчетно стряхивая прилипший к одежде мусор, я исподлобья скользнул взглядом по лицам шелтян, окружившим меня со всех сторон непроницаемой стеной и бесцеремонно глазевшим на подопытную крысу по имени Ма-

стон Никс, доставленную на лабораторный стол исключительно для их удовольствия. И Бигман, и Целитель здесь были хорошо известны, поэтому едва достаивались мимо-летных взглядов, я же, как новичок, вызывал естественный, да еще долго сдерживаемый запретом интерес. Большинство разглядывало меня, не скрывая своего презрения, и это тоже было понятно – я был иной, не из их среды, а чужак в подобном примитивном обществе довольно часто вызывает враждебное к себе отношение самим фактом своего существования. Инопланетник. Иноп.

Закончив осмотр, я судорожно вздохнул. Не знаю, каким они видели меня, но сами шелтяне смотрелись так, что глаза б на них мои не глядели. По ассоциации вспоминался сериал про вампиров-кровососов, который я успел посмотреть по визосети перед очередной командировкой. Своими узкими зубастыми лицами шелтяне определенно смахивали на этих вампиров... На целую толпу вампиров, зажавшую в тесном кругу свою жертву.

Как ни оттягивай неизбежное, а наши с прыгуном взгляды все-таки перекрестились. В тот же момент Бигман швырнул мне один из двух шестов. Движение его руки было легким и непринужденным – этакое небрежное изящество, и я попался на удочку кажущейся легкости, как последний сопляк.

Я поймал шест, свободно обхватив древко пальцами правой... И едва не потерял равновесие под его тяжестью. Шест так резко потянул вниз, что я не нашел ничего лучшего, как

дать ему коснуться концом земли, и сделал вид, что просто оперся на него. Хорошая мина при плохой игре. На самом-то деле я навалился на него чуть ли не всем телом. Досадная промашка. Восстановив равновесие, я собрал все свои си-
ленки и взял шест обеими руками наперевес, не без труда оторвав от земли. Хотя эта штукавина выглядела деревян-
ной, казалось, что отлита она из стали – настолько она была тяжела. Силы Зла, и этим мне придется размахивать?!

Все еще презрительно улыбаясь, прыгун играючи подки-
нул свой шест в воздух, перехватил за середину, расставив
ладони на расстоянии метра друг от друга, чуть выдвинул
вперед правую ногу, и замер в этой стойке.

Скверно. Очень скверно. Противник мне попался физи-
чески очень сильный. Вряд ли здесь скрыт подвох, оба ше-
ста наверняка весят одинаково. Сильный и рослый против-
ник – на голову выше меня, что тоже было плохо, так как и
руки у него были длиннее. Я понял, что с Ключом мне надо
поторапливаться, и выбрал Маятник – ускорение рефлексов
и резкое, на уровне подсознания, отклонение от удара. Едва
было мысленно произнесено ключевое слово мыслеобраза,
как его структура принялась воплощаться в мышцы. Пока
это происходило – здесь опять же работало больше подсо-
знание, чем сознание, – я не спускал с Бигмана глаз, внима-
тельно наблюдая за его движениями.

Спустя несколько секунд сильнейшей концентрации во-
ли и психики по телу пробежала нервная дрожь, кожу нача-

ло покалывать. Хороший признак. Я был еще не настолько плох, как мне думалось.

– Сейчас мы посмотрим, как ты умеешь двигаться, иноп, – сообщил Бигман, совершая демонстративно плавный взмах шестом по широкой дуге над головой. С его лица не сходила паскудная усмешка, способная вывести из себя и не такого терпеливого человека, как я (тренируется он перед зеркалом, что ли?). – Вскакиваешь с места ты неплохо. Но право же, не стоило так пугаться одного звука моего голоса. Нет причин для беспокойства, вышибание мозгов – это почти небольно...

В ответ на столь пресный юмор из толпы понесся оглушительный хохот, свист и улюлюканье. Вполне предсказуемая реакция. Я, естественно, промолчал, сосредоточенный на своих ощущениях Ключа. Мне было не до пикировки, не до настроений толпы.

Взметнув правый кулак вверх, прыгун громко выкрикнул: – Делайте ставки, ребята!

Толпа загоготала еще сильнее. Очень им было весело. Эти зубастые «ребята» не собирались участвовать в заведомо безнадежном, как им представлялось, пари. Если говорить откровенно, мне оно представлялось таким же. Но посмотрим... Никто не застрахован от случайностей, способных изменить события коренным образом...

– Ладно, удачи, парень! – Коротышка-целитель ободряюще хлопнул меня по ноге и ретировался в толпу, сразу рас-

творившись в ее массе.

Бигман плавно скользнул влево, приступая наконец к действиям. И сразу преобразился – нескладная, неуклюжая раньше долговязая фигура буквально потекла. Изящество и отточенность его движений невольно вызывали уважение. Охотник, крадущийся к ничего не подозревающей жертве...

Целитель не ошибся, Бигман и впрямь был профессионалом, да еще каким.

Тем хуже для меня.

Я немедленно «отзеркалил» его, переместившись вправо, и синхронно с ним двинулся по мысленно вычерченному кругу, стараясь сохранить между нами безопасную дистанцию. Шест был все же тяжеловат для моих рук, не помешал бы какой-нибудь Ключ силы, но лимит энергии накладывал свои ограничения. Бигман же вертел своим шестом играючи, намного превосходя меня физически.

Шум вокруг стих, внимание зевак было поглощено началом поединка.

Еще пара шагов – он ко мне, я от него. Мы не приближались друг к другу и не удалялись. Шест медленно крутился в его руках светлой спицей в невидимом колесе, сея в пыль под ногами тихий шелест.

Он явно не торопился. Я уже испортил одно представление горожанам, и он, несомненно, решил возместить его другим. Я ничего не имел против. Даже больше – я желал, чтобы это представление получилось как можно зрелищнее. Вот

только победившей стороной я предпочитал видеть себя. Во-первых, я только сейчас начал понимать, до чего же я зол на самом деле. Вчера мне выпал не самый лучший день в жизни – меня травили псевдожестом, грабили, избивали, в довершение ко всему чужой-доррикс залез мне в голову своими мерзкими ментальными щупальцами, после чего я провалялся весь оставшийся день, ночь и утро в полнейшем беспомоществе. Последнего я не помнил, приходилось судить по рассказу Целителя. Вот, а теперь эти жизнерадостные шелтяне с неиссякаемым чувством юмора снова развлекались и снова смеялись надо мной.

Во-вторых, победа была мне необходима как воздух. Чтобы заработать право остаться самим собой хотя бы частично.

В-третьих, хотелось преподать шелтянам урок в том, что не все инопланетники так слабы, как им представляется. И душевный настрой соответствовал – впервые в своей жизни я готов был убивать. Не хотел, как не желает убийства любой нормальный человек, но был готов. Без дураков. Ведь желать и быть готовым выполнить желание – разные вещи. Холодный гнев копился глубоко внутри, вливая в меня новые силы. Так что эти парни своего добились.

Бигман вращал шестом все с тем же непринужденным изяществом, предоставляя зрителям насладиться его каждым уверенным, отточенным долгой практикой движением. Мне тоже торопиться было некуда. Структурирование Ключа-Маятника еще не завершилось, и мне было на руку тя-

нуть время. Да и не был я уверен в том, что начать первым – хорошая идея. Малолеткой я с соседскими ребяташками немного забавлялся борьбой на шестах, больше дурачились, чем занимались этим всерьез, пытаясь подражать взрослым, и все, что я вынес из этой забавы, так это слабое представление о том, как надо действовать с подобным оружием. Я понимал, что, не владея шестом в совершенстве, мог при первом же своем выпаде моментально раскрыться для сокрушительного удара противника. И я выжидал, старательно копируя технику движений Бигмана и «накачиваясь» Мобра, собирая все крохи своего дилетантского умения.

Мы завершили первый круг, все также пристально глядя друг другу в глаза, начали второй.

Затем третий.

Вокруг по-прежнему стояла мертвая тишина. Узкие темные глаза прыгуна не отрывались от моих.

Закончив третий круг, я начал нервничать – что-то Бигман слишком уж медлил. Возможно, именно этого он и добивался – посеять во мне неуверенность, а может быть, монотонным движением по кругу старался усыпить мою бдительность и застать врасплох. Или пытался определить по манере моего поведения, на что я способен...

Мысль не закончилась, оборванная выстрелом первого выпада – конец шеста мелькнул как молния, с шипением вспоров воздух, и устремился к моему виску. Как я ни поджидал, все же едва не пропустил этот смертельный удар и

только благодаря Мобра, ускорившему рефлекс, сумел парировать.

Тело сработало автоматически: перенос веса на левую ногу, перехват шеста посередине, так что правая рука оказалась выше левой на расстоянии три четверти метра, удар с коротким разворотом, верхние концы шестов столкнулись с сухим, звучным треском. Отскок на шаг назад.

Бигман тоже отступил. Презрительная усмешка, не сходившая с его лица с начала поединка, сменилась озадаченным выражением.

– О-о! – почти неслышно вырвалось у него. – Кажется, иноп тоже кое-что умеет? Это становится интересным. Это даже лучше, чем я ожидал. Молодец, иноп, я рад за тебя... Чем дольше ты будешь сопротивляться, тем приятнее будет тебя прибить.

Не удостоив его ответом, я продолжал пристально следить за его руками. Стоит мне на мгновение отвлечься – и все, пиши эпилог со смертельным исходом... Но его удивление придало мне сил. У меня был шанс с ним справиться, пусть даже он считает иначе.

Бигман нахмурился, кивнул, как бы говоря, что принял к сведению то, что я не такой уж растяпа, каким показался ему вначале, а затем уже открыто шагнул вперед. И тут же последовал новый выпад, как продолжение первого, – шест рванулся ко мне нижним концом, целясь в шею.

Я встретил его точно посередине своего шеста, между рук,

и ладони болезненно заныли от отдачи. Удар был столь силен, что меня отбросило на два шага назад, но на ногах я устоял. Неверный блок. При моей-то небольшой массе тела парирование должно быть не лобовым, а скользящим, отводящим основную мощь выпада в сторону, а то так и руки мне переломает. Ничего, учтем на будущее...

Тишина над площадью все еще была полной. Я слышал свое собственное дыхание. Можно было подумать, что у шелтян считалось плохой манерой шуметь во время поединка... Мне некогда было смотреть на них, но, скорее всего, они все просто пооткрывали рты в приступе немого изумления. Ну как же, иноп посмел сопротивляться их признанному Мастеру Шеста. Держите карман шире, острозубые ребята, – я сдаваться не собираюсь...

Прыгун ринулся вперед, и шест его замелькал с невероятной быстротой, кромсая воздух на почти осязаемые куски. Последовала серия стремительных ударов в голову, шею, грудь, ноги... и все я отбил! Мы сражались ожесточенно и молча, только треск стоял. Мне не хватало его умения, но я возмещал его скоростью реакции, достаточной, чтобы выдерживать его бешеный темп. Воздух рычал вокруг нас, казалось, в руках у Бигмана не один шест, а целый десяток, и все они старались до меня добраться.

Несколько минут я держался с ним на равных, потом пришло тревожное ощущение, что действие Мобра начинает слабеть. Задавив отчаяние в самом зародыше, я заставил се-

бя сосредоточиться на основном – на сражении.

Объясняю: любой Ключ Мобра в конце концов себя исчерпывает, так как длительность его действия напрямую зависит от жизненной силы мобриста. Поэтому я старался расходовать ее как можно экономней, четко осознавая, что долго это продолжаться не может. Главное – никаких лишних движений. И все-таки конец приближался катастрофически быстро...

Несмотря на это, шанс у меня по-прежнему оставался. Необходимо было как можно скорее нащупать слабое место прыгуна, как можно скорее! Пока у меня еще была возможность приложить к этому слабому месту свой остаток сил.

Шест вытянулся, как змеиное жало, целясь в грудь, но я отскочил. Прыгун нанес еще пару скользящих ударов по щиколоткам и остановился. Лицо шелтянина блестело от пота, губы раздвинулись в злобной гримасе, обнажив сверхострые клыки, в глазах горела ярость. Выдержка ему наконец изменила. Такого отпора он наверняка не ожидал.

Честно говоря, я сам не ожидал от себя такой прыти. И пот струился у меня по лицу не меньше, чем у противника, а руки мелко дрожали от напряжения под все увеличивающейся тяжестью шеста. Казалось, пальцы сжимают не шест, а самое натуральное бревно. Усталость – это такая штука, которую почти невозможно проигнорировать.

По толпе наконец пробежал удивленный ропот и тут же смолк. Зрители затаили дыхание, ожидая дальнейших дей-

ствий.

Преодолев приступ бешенства, прыгун снова двинулся по кругу. Взгляд его жалил, верхний конец шеста покачивался из стороны в сторону, словно змеиная головка. Хотя он взмок, признаков усталости у него я не наблюдал, а это было очень скверно для меня.

Я по-прежнему синхронно кружил напротив, выдерживая между нами дистанцию в два метра, используя передышку для восстановления сил. С каждым шагом пауза становилась все напряженной... Вскоре она уже отчетливо звенела...

Внезапно руки Бигмана проворно заработали, и шест превратился в свистящую плоскость – он решил изменить тактику. При этом, вращая шест с невероятной скоростью, он еще успевал перебрасывать его из руки в руку. Я мгновенно сообразил, что после удара такой «вертушкой» вряд устою на ногах, если попытаюсь ее отбить. И когда шест, вырвавшись из вращения, рубанул мне по ногам, я подпрыгнул. Это было единственно правильное решение для меня, но я подпрыгнул недостаточно высоко.

Шест всего лишь чиркнул по подошвам ботинок, но даже этого хватило. Невидимая рука с бешеной силой рванула меня за ноги. Я умудрился сделать боковое сальто и приземлиться как раз в тот момент, когда прыгуна после собственного удара развернуло по инерции вокруг оси, и его шест рубящим концом чуть не врезался в толпу шелтян, испуганно отпрянувших назад. Не удержав равновесия, Бигман упал на

одно колено и оказался раскрыт.

Вот он, долгожданный миг!

Я не упустил этого момента. Я просто не имел права упустить такой момент.

Мгновенно сконцентрировав всю энергию, какая у меня имелась в области рук, я провел косой рубящий удар снизу вверх с поворотом тела, чтобы придать движению максимальную силу удара, и конец моего шеста врубился точно под подбородок проклятого прыгуна...

Я не понял, как он это сделал.

Я уже мысленно торжествовал победу – после такого удара вряд ли можно остаться на ногах, да что там, такой удар должен был сломать ему шею с легкостью топора, рухнувшего на хворостину, но он...

Будь он проклят!

Он отбил мой удар не глядя. Концы шестов с сухим треском сошлись и разлетелись с огромной, неодолимой силой. Мой швырнуло вправо, и меня сильно развернуло следом. Шест Бигмана ушел влево, но он и не пытался погасить инерцию, как я, а, наоборот, воспользовавшись своим опытом бойца и моей ошибкой дилетанта, прибавил силы, и нижний конец его шеста, вычертив витую дугу, метнулся к моим ногам.

На этот раз я не успел.

Наверняка в подобной ситуации и сам прыгун ничего не смог бы поделать против такого выпада. Удар пришелся точ-

но в пах, и дикая, нестерпимо парализующая боль пронзила меня с головы до ног раскаленной спицей, вышибла дыхание и согнула пополам. Ноги подломились, шест вывалился из рук. Я рухнул на колени, ослепнув от огненных вспышек в глазах, во всем теле. Долгую мучительную минуту я не мог сделать вдох, судорожно прижав руки к паху и скрючившись почти до земли. Застрявший мучительный крик рвал горло.

До слуха смутно донесся восторженный рев толпы, довольной победой Бигмана. Совершенно беспомощный, практически в полной отключке, я ждал рокового удара, но Бигман почему-то медлил, вероятно наслаждаясь моими мучениями.

Прошла еще минута. Невероятным усилием воли я сумел разогнуться и взглянуть перед собой затуманенными болью глазами.

Он стоял, выпрямившись во весь рост, и спокойно смотрел сверху вниз, возвышаясь надо мной, словно демон Зла. Казалось, плечи его упираются в небо. Наши глаза встретились, и прыгун нанес два коротких режущих удара концом шеста. Он не старался сбить меня с ног, шест лишь коснулся моего лица, и я почти не шелохнулся.

По рассеченному лбу потекла кровь. Новая боль была почти незаметна на фоне той, которая меня уже терзала. Судорожный вдох... Сердце бешено колотилось о ребра, отдаваясь в висках громовыми ударами, шум в голове заглушил почти все звуки снаружи. Я понимал, что проиграл, и в то

же время все еще на что-то надеялся, отказываясь верить и понимать, что проиграл.

Если бы не боль, я бы сумел еще как-то сопротивляться... Безумная надежда. Времени больше не осталось.

Бигман медленно поднял шест над головой для последнего удара. Он собирался провести его как можно эффективней, чтобы это надолго врезалось всем в память. В глазах его горели жесткие холодные огоньки, лицо выражало торжество. И... мне показалось? Где-то в глубине его глаз мелькнуло странное сочувствие... Да нет, показалось...

Я не хотел, чтобы он прикончил меня на коленях. Стиснув зубы, я начал медленно подниматься, вкладывая в движение дикое усилие. Вены вздулись от напряжения, по телу ручьями бежал пот, смешиваясь с кровью на лице, и... Он же все там у меня разворотил, отстранено подумал я, чувствуя, как кровь бежит вниз и по ногам. Прижатые к паху ладони оставались сухими только благодаря экровеленовому материалу брюк, не пропускающему влагу.

Если бы не боль, снова мелькнула мысль... Боль, все еще державшая тело в тисках. Полностью разогнуться я не смог, мышцы просто не повиновались.

Боль... В голове вдруг прояснилось.

Нужно было немедленно избавиться от боли, и этого можно было достигнуть сменой Ключа. Я ухватился за свой последний шанс в этой драке – шанс отомстить и остаться живым. Мне не пришлось даже выбирать, Ключ пришел сам,

возникнув перед глазами ярким образом. Мыслеобраз вошел в подсознание как клинок в ножны, лязгнув металлом. Пресс, решил я, еще сильнее стискивая зубы, и оторвал руки от окровавленного паха. Гигантский стальной Пресс.

Словно подстегиваемое отчаянием, структурирование началось с бешеной скоростью. Теперь я смог выпрямиться полностью, чувствуя, как тело превращается в металл. Сквозь заливавшую глаза кровь я видел неважно, но Бигмана разглядеть мог. Этого было вполне достаточно. Нужно было сделать так с самого начала – подойти к прыгуну и раздавить его, как вошь.

Ничего удивительного – он был озадачен моим видом, тем, что я сумел подняться, вместо того чтобы корчиться у его ног. Тем, что я стоял и собирался напасть, вместо того, чтобы выть от боли и просить о пощаде. Что ж, этим моментом можно было даже гордиться. Затем на лице прыгуна мелькнуло насмешливое удивление. Не знаю, что там ему показалось таким забавным, но, не завершив удара шестом, он швырнул его под ноги зрителям и шагнул ко мне, поднимая тяжелые кулаки.

Глупец! Вместе с шестом он отбросил свой шанс меня одолеть.

Но он этого еще не понимал. Не понял и тогда, когда я шагнул вперед и мои ладони легли ему на плечи. Пальцы, живущие уже своей собственной жизнью, проворно нащупали выпирающие под плащом ключицы и надавили на них.

Ноги срослись с землей. Все с той же насмешливой улыбкой Бигман выбросил вперед кулак... Стальная подошва Пресса в сознании лязгнула и пошла вниз. Кулак прыгуна врезался мне в лицо, словно в стену. Удар был очень силен, но мышцы уже окаменели настолько, что я его не ощутил. А боль... Пресс не может чувствовать боль.

Бигман отдернул отбитую руку, глаза его изумленно расширились. Видно было, что кожа на костяшках пальцев у него содрана. Медленно, очень медленно, сквозь сковывающий мышцы мыслеобраз, я усмехнулся ему в лицо. Нас разделяло теперь только расстояние моих вытянутых рук; и я не собирался его изменять.

Он попытался стряхнуть мои руки движением своих плеч. Широкие, сильные плечи, с огромным запасом неизрасходованных сил... Я ощутил это движение, но он сам не шевельнулся. И тогда я надавил. Его ноги подогнулись. Бигман хрипло взревел, пытаясь выпрямиться, но лишь сильнее оседая к земле, борясь с многотонной давящей тяжестью на своих плечах.

Пресс работал.

Мой взгляд был неподвижен. Перед ним постепенно проплыла сверху вниз грудь Бигмана, затем шея с дергающимся кадыком, узкий подбородок, хищный крючковатый нос, глаза... Минуту назад он был значительно выше меня, но теперь я уравнивал его рост со своим. Какое-то мгновение мы стояли лицом к лицу, и я уловил в его глазах понимание происхо-

дящего, только-только начавшее оформляться в его сознании, зарождающийся страх. Затем его лицо двинулось дальше, вниз.

Пресс работал.

Он попробовал уйти из-под моих рук рывком вниз, попытался согнуть ноги и вывалиться из сжимающих его тисков, рвануться в сторону и вверх, а затем опрокинуть меня назад. Ничего из этого ему не удалось. Он был под прессом. Через мои ладони катализация Ключа перекинулась на его тело, превращая плоть в металлическую болванку, которую сгибал, расплющивал пресс моего тела.

Он испугался по-настоящему, когда хрустнули его ключицы, и в панике дико заорал. Вибрация голосовых связок – это было все, что я ему позволил. Я хотел, чтобы этот крик был услышан толпой, я желал насладиться и ее страхом. Полутелепаты, они могли ощутить то же, что и Бигман, разделить с ним его слепой ужас.

Я убивал его постепенно, но в моем представлении Бигман уже был мертв.

Лицо прыгуна побагровело от усилий, казалось, еще немного – и его жилы взорвутся от неимоверного напряжения. И взорвутся. Сейчас я это сделаю. Еще немного – и...

Я продолжал давить, с ненавистью глядя сверху в выпученные от боли и страха глаза, на перекошенный от напряженного крика рот, и ломал, ломал его длинное сильное тело... Кости его смещались, ребра сходились вплотную одно

к одному, позвоночник сжимался, впечатывая звено в звено. Болванка, металлическая болванка, которой нужно было придать форму...

Крик вдруг захлебнулся, и руки ощутили пустоту. Прыгун исчез. Я непонимающе уставился на то место, где он только что стоял. Затем до меня дошло, и я с каким-то странным облегчением принялся растворять образ Пресса в мозгу. Но – постепенно. Ощущение своего тела должно было вернуть боль, не следовало этого забывать. Я постарался растворить мыслеобраз так, чтобы металл остался в пораженном месте – в паху.

Тем временем из притихшей толпы вынырнул Целитель и осторожно коснулся моей руки.

– Ну ты даешь, парень. Не понимаю, что это было, но ты превзошел все ожидания. – В его голосе слышалось явное уважение.

– Я собирался его прикончить, – хрипло проговорил я, скованно двигая онемевшими губами, – но он успел телепортироваться. Счастливчик. До... – Я глубоко вдохнул. – Доведи меня до стены. Мне... надо отдохнуть. И разгони... этих... Если можешь.

Целитель тут же обернулся к толпе и низко зарычал:

– Разойдись! Живо! Пошевеливайте костылями, пока порчу не наслал! Ну ты, лопоухий, особое приглашение надо? Проваливай! Давайте, давайте, не задерживайтесь, представление окончено! А ты куда прешь?! Кому сказано, при-

дурок, а ну двигай отсюда...

Толпа рассосалась как по волшебству. Надо будет как-нибудь спросить, о какой порче он говорил... Но это так, отвлекающий мысленный маневр. Десять шагов до стены я прошел, переставляя ноги как манекен и опираясь на плечо коротышки. Я боялся. Я боялся той боли, что должна была вернуться, как только я ослабею настолько, что не смогу контролировать Ключ. Дойдя до стены, я развернулся и, прислонившись к ней спиной, медленно сполз вниз, на табурет.

Теперь желтые глаза толстяка были на одном уровне с моими.

– Я победил... честно? – с усилием выдохнул я. Он понял, что я хотел узнать, и кивнул:

– Да, испытание не повторится. Теперь всем известно, что ты можешь убить. Вряд ли еще найдутся охотники испытать на себе ту необычную силу, которую ты только что продемонстрировал. Не пойму ее природы, но... круто. Круто. На счет замены ничего пока сказать не могу. Отменить ее или нет – решать Досу Пламя.

Плохая победа, отрешенно подумал я. Скверная победа. Победа, после которой я наверняка останусь калекой... Да и этот парень тоже... В глубине души я не хотел его убивать, несмотря ни на что. Глупо так тратить свою жизнь на потеху публике, но у меня не было выбора.

Тем не менее будет жаль, если все это окажется зря.

С этой мыслью я позволил себе отключиться.

6. Замена

Когда я пришел в себя, день как раз перевалил через середину.

Над площадью толкучки стоял легкий сумрак – солнце скрывал слой серых клубящихся облаков, предметы отображали короткие расплывчатые тени, что, впрочем, никому не мешало, жизнь вокруг меня по-прежнему шла полным ходом, разве что толпа продавцов и покупателей чуть поредела. Мимо все так же деловито сновали шелтяне, не обращая на меня видимого внимания. И правильно делали. Несмотря на слабость, я был еще достаточно зол, чтобы доставить кучу неприятностей слишком назойливым...

Долго же я был в отключке. И что самое интересное, никто за это время меня не тронул. Как оказалось, я сидел все на том же пластиковом табурете, прислонившись спиной к стене.

Первым делом я поискал глазами Целителя, но, увы, не смог разглядеть в толпе приземистую, пухлую фигуру коротышки. Зато теперь мне представился шанс присмотреться к толпе шелтян повнимательнее в свете той информации, что я успел получить от толстяка. Уже после краткого просмотра удалось обнаружить среди местных несколько лиц, принадлежавших уроженцам с других планет, – красноречивое подтверждение тому, что немало бедолаг-инопланетников попа-

лось до меня шелтянам в лапы, немало личных историй было переписано шептуном... короче, слова толстяка следовало принимать всерьез.

Я задумался. То, что смываться отсюда надо как можно скорее, сомнения не вызывало. Но необходимо было все хорошенько обдумать. Город нашпигован эмпатами, и не стоит слишком удивляться, если среди них вдруг найдется истинный телепат. Такой, кто в любой момент сможет вычислить и мои «крамольные» мысли, и мое местонахождение, когда я дам деру. А мне вовсе не хотелось, чтобы мои мозги спалили подручные Доса Пламя и Шефира – дорриксы.

Пока я помнил, кто я такой. Возможно, время замены еще не наступило, и она могла начаться в самый неожиданный момент. Или... Не стоило слишком обольщаться, но операция по замене личности могла быть уже отменена, пока я был без сознания. Хорошо бы, но даже это не предохраняло от новых поползновений шептуна. Вдобавок тревога по провалу в памяти, связанному с моей работой на Почтовую Корпорацию, гнала меня из Города сильнее, чем все остальное.

Стараясь не делать резких движений, я осторожно подтянул ноги, меняя положение тела на более удобное (что-то мне говорило о необходимости этой осторожности). Так, уже получше. Кровь побежала веселее, по ногам распространилось острое покалывание.

Здорово я их отсидел...

Да, неплохо бы очутиться подальше от этой вони, грязи и

шума вокруг. Пора было завязывать с этим паршивым приключением – охоты и Бигмана мне хватило по самое горло. При мысли о прыгуне злость вспыхнула сухим хворостом. Будь проклят этот шелтянин, я одолел его, но одолел после того, как он меня покалечил...

Я замер, пораженный этой мыслью. Где же боль? Я ничего не чувствовал. В конце драки только Ключ удерживал меня от крика...

Лоб и пах. Я осторожно ощупал пальцами эти места. Сквозь брюки было прощупать труднее, а вот кожа на надбровных дугах, где должны были быть глубокие раны, была гладкой, даже без следов шрамов. Лишь корка высохшей, шелушившейся под пальцами крови напоминала о том, что мне это не приснилось. О небо, какое облегчение, какое громадное облегчение... После удара Бигмана я уже и не рассчитывал, что останусь мужиком в полном смысле этого слова...

Целитель.

Это как-то само собой пришло в голову. Прошло ведь всего несколько часов, сам я не умею восстанавливаться так быстро, значит, этот человек и залечил меня, пока я был в отключке. Вот в чем смысл его способностей. Силен же коротышка! Тем лучше для меня, и этим исцелением следовало воспользоваться немедленно. Я глубоко задумался. Хотелось бы знать, сколько у меня было времени, прежде чем мной займутся всерьез. Вряд ли мне дадут здесь рассиживать

вечно. Но как улизнуть незаметно? Я же здесь выделяюсь как белая ворона среди наглой черной стаи. Проклятие, как подумаешь, какие у меня шансы, так зубами скрипеть хочется. Голодный, избитый, под наблюдением целого Города. Драка, использование Мобра – все это наложилось друг на друга и вытянуло большую часть сил. Чтобы нормально двигаться, нужна была пища. Где ее взять, я понятия не имел, чтобы ее отыскать, опять-таки надо было двигаться и иметь информацию о том, где искать. Круг замкнулся.

Помощь коротышки нужна была позарез. Если бы я знал о местных порядках столько же, сколько он, я знал бы, как отсюда выбраться наверняка. Ладно, допустим, в ближайшие несколько часов он не появится, а меня никто не тронет... Сомнительно что-то, но надо же из чего-то исходить...

Пожалуй, лучше всего будет смыться этим же вечером, ближе к ночи. Ночью передвигаться непросто, тем более что здесь, кажется, нет лун, зато и обнаружить меня будет сложнее. Естественно, во время передвижения придется постараться думать как можно меньше, чтобы труднее было засечь по мыслям или эмоциям, тут мне поможет Ключ Мобра... Плохо, что путь до космопорта неблизкий – часов восемь бега, перемежающегося с ходьбой... Самочувствие и так никуда не годится. И путь всегда получается дольше, чем рассчитываешь.

Банкос... Банкос был пуст, и это тоже было плохо, но не настолько, чтобы не договориться с капитаном какого-ни-

будь корабля о проезде – за счет Почтовой Корпорации, например. Или как-нибудь отработать на самом корабле. В крайнем случае можно рискнуть прокатиться безбилетником. Главное – добраться до самого корабля.

Я шевельнулся, снова меняя положение тела.

Да, тут еще и проблема с ментатами, об этом тоже забывать не стоит. Шелтяне могли вычислить прямо сейчас то, что я замышлял, но приходилось рисковать...

Судя по царившему в Городе упадку, своих средств к существованию у местного населения нет, и у меня было справедливое подозрение, что горожане живут за счет средств путешественников, попадающих в их лапы. На деньги от грабежа у залетных торговцев можно купить многое: одежду, оружие, транспорт и так далее. Меня определенно должны «пасти». Если попытка пленника вырваться на волю увенчается успехом, то уже никто ему не помешает рассказать о том, что здесь происходит, – и приток незаконной прибыли иссякнет... Более того, Галактическая Федерация Миров в силу давней «дружбы» может применить к Шелте кое-какие штрафные санкции, которые разрушат и без того хлипкую экономику шелтян...

Не хотелось думать о том, что будет, если побег сорвется. За такое дело можно заработать и удавку на шее. Сталью. Здесь это наверняка в порядке вещей...

Информация, позарез нужна была информация. И где это Зло Целителя носит? Кроме него и спросить больше не у ко-

го. Гнусный город с гнусными порядками и не менее гнусным населением...

И что, собственно, с заменой? Отменена она или нет? По моему, я сегодня неплохо выложился, демонстрируя свои возможности, и хотелось надеяться, что эта грязная процедура по замене памяти отложена, а еще лучше отменена...

Именно с этой мысли все и началось.

Словно я нажал на невидимую кнопку, которую ни в каком случае трогать не следовало, в глазах внезапно потемнело, а внутри головы возникло мерзкое ощущение, – холодная невидимая лапа ощупывала мозг. Ощущение, мерзкое до судорог... Зубы сцепились, как челюсти сработавшего капкана, я напряг всю свою волю, стараясь вытеснить чужое вторжение в свое сознание. Толчок, другой. На минуту эта дрянь замерла, словно оценивая результаты своей разведки, потом толчки возобновились, слабые, но настойчивые, и сила их быстро нарастала. Холод обволакивал мозг, гасил мысли. Шептун?! Адское пламя, это и есть замена?! Значит, я выкладывался на испытании зря? Будьте вы все прокляты...

Взгляд метнулся по толкучке, выискивая Целителя. Тщетно. Кругом были только узкие равнодушные лица шелтян, погруженных в свои заботы. Давление на мозг продолжало стремительно расти. Что же мне делать? Как мне справиться с этой дрянью, Зло ее задери?..

Но больше я ничего предпринять не успел.

Невидимая преграда разрушилась, и в мозг скользким хо-

лодным потоком хлынуло нечто настолько чуждое, враждебное и омерзительное человеческому сознанию, что только огромным усилием воли я удержался от крика. Я еще помнил, что нахожусь на виду у большого скопища людей, и условности поведения, среди которых я вырос на Нове, никуда не делись.

Я обхватил ладонями виски, концентрируюсь на сознании, и в тот же миг тактика нападения – ледяной холод – резко сменилась. В виски впились раскаленные спицы. Стрела попала в десятку и выбила из меня вопль боли, но крепчавший с каждой секундой жар успел превратить мышцы в дрожащее желе раньше, чем из горла вырвался звук. Я мог не опасаться, что привлеку к себе чье-либо внимание, – нечто тоже старалось разделаться со мной без шума.

Свет перед глазами померк. Боль нарастала и нарастала, спицы погружались в череп, выжигая мозговую ткань. Мúка была нестерпимой, а я не мог даже пошевелиться – я окончательно потерял контроль над своим телом, оно начало растворяться. Никогда не испытывал ничего хуже этой пытки. Силы неба, как же это было жутко больно! Я сходил с ума от невыносимого страдания, и у меня не было выбора, как только пройти через него... или умереть. Я страстно желал потерять сознание, чтобы уйти от этой боли, но мерзкая сила не позволяла мне этого.

Это длилось долго. Страшно долго. Тело растворилось бесследно, остался лишь обнаженный, беспомощный мозг,

терзаемый демонами Зла в крошечном мраке.

Прошла вечность...

Когда боль стала неотъемлемой частью моей сущности, нечто наконец выпустило из своих страшных когтей мое измученное «я». Но ненадолго. Мрак растаял, стек грязными потеками талого весеннего снега, обнажив за собой сплошную непроницаемую стену безликой серости, абсолют бесстрастности, еще более жуткий, чем предшествовавший мрак. Я погрузился в нее целиком. Голый разум, подвешенный в пустоте на ниточках повиновения. Мысли без образов, света и красок, уходящие как вода сквозь песок, – это было все, что во мне осталось после сита боли и страдания.

Самым невероятным было то, что после убийственной атаки мрака я начал медленно приходить в себя, словно алгоритм замены где-то дал сбой. Этим следовало воспользоваться. Нужно было как-то пробиться сквозь это... защитить себя тем, что у меня осталось, еще осталось, – силой самой мысли, противопоставив ее враждебной силе серости. Ведь теперь, когда боль отпустила, я мог мыслить... Но...

Что-то внутри меня изменилось. Ощущение это пришло вдруг, и я лихорадочно пытался понять – что... Я не успел, все происходило слишком быстро, мысль не успевала за процессом.

Щелчок. Вспышка света. Мрак. Новый удар адской боли.

После могильной серой тишины ощущение тела обрушилось лавиной – рев крови, струящейся по артериям, громо-

вые удары сердца, судорожные спазмы мышц. Оглушающий грохот собственной плоти.

Еще щелчок. Хлынул ослепительный свет, краски, образы. Прожитые годы замелькали перед глазами ярким калейдоскопом. Станный шепот окружил, окутал со всех сторон. «Изменение... чистка... упорядочение...»

Замена!

Программа, заложенная в мозг шептуном, набирала силу. Слова и мысли, впечатавшиеся в мозговую матрицу за двадцать пять прожитых лет, вымывались невидимым ревущим потоком из отведенных под них ячеек мозга и уносились прочь, поглощаемые монолитной серостью.

Я кричал и рвался из сковавших меня пут. Но воспоминания блекли и исчезали, а на их месте возникали новые, чуждые мне, быстро укоренявшиеся в сознании, торопливо пускавшие в глубь личностной ткани ростки странных образов и ассоциаций...

Борьба еще не закончилась – внезапность нападения уже миновала, и мозг, оправившись от потрясения и шока, напряженно искал пути защиты. Я сражался за каждый образ, отчетливо понимая, что еще немного – и мое нынешнее «я» перестанет существовать. Поток серости жадно заглатывал участки сознания один за другим, скорость его все нарастала. Жизненная картина моей личности стремительно переписывалась заново.

Мазок серой кисти: «Родился на Шелте, в грязных тру-

щобах западных окраин Города...» Нет! На... Мучительное усилие. На... Нове-2! Еще мазок. Еще несколько – торопливых, липнущих намертво: Шелта, Город, пандемия, мутация, галты, галты, галты... Ощерившийся мрак, рвущий сознание... Координатор, осевые, портовики, охотники, кровавые фрайдены... шары-хищники, шептуны, банкноосцы, кандидаты в профи... Бред!

Следующий стирающий мазок серой кисти, обнаживший более глубокий слой личности, – Нова-2, лорд-архитектор Никсард-старший, замок Роз, слуги, чемпион Красного года, имплантация, ферма...

Разум взбрыкнул.

Это еще что?! Что-то странное, но как будто мое...

Вымывающий поток не дал мне это обдумать, вырвал и унес. «Ложь, ложь», – настойчиво шептала серость.

Если... Если я сейчас не придумаю, как с этим справиться... Проклятие!

Новый участок мозговой матрицы растворился в бешеном напоре очередной волны. Мысль давалась с трудом, ее все время приходилось создавать заново. Карточный домик, рушащийся под дуновением легкого, как вздох, ветерка... карта за картой, кирпичик за кирпичиком... Если я сейчас не придумаю, как с этим справиться, то не придумаю этого уже никогда...

Родилась новая мысль. Серая кисть накинута на нее, стремясь отодрать, растворить, унести с собой, но я вцепил-

ся в нее изо всех сил и отбил, сотворив из нее фундамент для своего спасения.

Вот она: «Отгородиться...» Поставить барьер, за которым я смогу укрыться. Я ринулся лепить образ нового Ключа Мобра. Серая кисть рвала образ со всех сторон, как взбесившаяся собака, поедая контуры и краски, я же упорно восстанавливал крупцу за крупницей и укреплял, уплотнял, подгонял. Через нескончаемо долгие мгновения кропотливой, упорной, изнуряющей работы дело было сделано. Мозг превратился в терминал визосети, обычный визор, без которого не может обойтись ни одна семья на Нове-2, коротая время по вечерам.

Я выглядел теперь так: светлый полированный пластик прямоугольного корпуса, одна из сторон которого – темный экран. Под ним располагалась панель ручной настройки, почти никогда не используемая, но необходимая мне сейчас. Кажется, я сказал «обычный визор»? Нет, визор был очень необычным, даже странным, если смотреть со стороны, – экран его был обращен внутрь. И я, мое сознание, был внутри этого ящика, оставив серую кисть мелькать снаружи в виде калейдоскопа информации.

Получилось! Все-таки получилось! Новый образ сработал непреодолимым ментальным барьером для серости. Непреодолимым? Я боялся вздохнуть, чтобы не нарушить хрупкого равновесия. Давление на меня еще не прекратилось, но ослабло по крайней мере на три четверти. И теперь я мог по-

лучить нужную мне информацию не столь насильственным способом, к какому прибегнула мерзкая тварь под названием шептун...

Мне удалось сделать программу шептуна пассивной, и все, что мне оставалось теперь, – просмотреть ее. Осторожное мысленное прикосновение прошло по панели управления визора... Ага! Бледные беззвучные видения понеслись по экрану с быстротой молнии, казалось, недоступные для восприятия из-за своей скорости, но когда я наткнулся на нужный мне кусок, внимание мое мгновенно обострилось и замедлило кадры.

Похоже, далеко не сразу я понял, что информация пошла по новому кругу, так как эти образы уже пытались внедриться в мозг.

Засучив рукава я принялся за сортировку.

Итак, главное действующее лицо в Городе – Шефир, координатор, который олицетворял собой на Шелте высшую власть и правосудие, конечную инстанцию. Раболепное, беспрекословное подчинение – основа его политики. Огромное могущество вследствие каких-то врожденных талантов... Темное дело, если даже шелтянам эта информация не предоставляется. Далее, Город делится на два района, район портовиков и район охотников, возглавляемые каждый своим начальником – осевыми, Досом Пламя и Линланом Холодом, неукоснительно следующими политике подчинения своему шефу. Я находился в районе портовиков, контроли-

руемом Досом Пламя, – это я уже понял и без шептуна. Кстати, район считался более выгодным, чем район охотников. Пока космопорт функционировал, корабли приносили людей и чужих, обладающих различным общественным статусом на своих мирах и планетах, желаниями и амбициями, до которых шелтянам не было дела, но было дело до их банков и их самих.

Особенно ценились люди, для них Шефиром была отведена роль производителей, так как Городу постоянно требовалась свежая кровь. Плачевные последствия пандемии – Гибели, как ее здесь именовали, – состояли в том, что из десяти появляющихся на свет младенцев девять оказывались обыкновенными дебилами, и лишь один обладал талантом какой-либо пси-способности. Получив различные паранормальные способности, потомки выживших после Гибели расплачивались теперь поврежденными генами, ответственными за потомство. Именно отсюда шло изменение внешности. Поэтому, несмотря на то, что детей рождалось довольно много, население почти не росло. Идиотов убивали – лишние рты, не способные себя прокормить, никому не были нужны.

Дос Пламя со своими портовиками занимался добычей денег и людей-производителей. Деньги шли на покупку различной техники, нулевых банков и прочих, необходимых и не очень, вещей у заезжих торговцев с других планет. Частично это шло в обмен на продовольствие, поставляе-

мое районом Линлана Холода, занимавшегося исключительно охотой в окружающих Город лесах. Такой порядок был заведен координатором и неукоснительно выполнялся. Но основной доход Город все же получал, торгуя оружием, которое производилось на оружейной фабрике Шефира, контролируемой им лично. По общественному статусу население обоих районов делилось на профи, банкносцев и работяг – фаберов. Последние выполняли всю необходимую грязную работу по Городу, банкносцы за ними присматривали, а профи, боевики, составлявшие у осевых особую гвардию, присматривали за банкносцами.

Были свои охранники и у самого координатора – из чужих-фрайденов, а также свои надсмотрщики – двое чужих-дорриксов, или шептунов, по одному на район. У шептунов, в свою очередь, были свои соглядатаи из полумразумных животных-хищников, привезенных ими с собой и выглядевших как полупрозрачные шары диаметром в человеческий рост...

На этом поток информации иссяк.

Иссяк и я.

От усталости мутило, а образ терминала ВС начал опасно колебаться... Опасно? Да нет же, опасность уже миновала, и я мог позволить себе расслабиться! Облегченно вздохнув, я последним мысленным усилием выключил экран визора...

В глаза тут же ударил дневной свет, показавшийся ужасно резким и болезненным после такой полной отключки. Я за-

моргал, зажмурился, привыкая к нему. Ну вот, действительность наконец вернулась ко мне визуально, вырвавшись на свободу из тисков шептуна, и я был этому страшно рад. Было чему радоваться, ведь я остался самим собой.

Вид площади нисколько не изменился, хотя казалось, что замена отняла у меня целую вечность. Я обнаружил, что сижу скрючившись все на том же табурете. Я взмок с ног до головы, по лицу градом катил пот, дыхание было сбитым, неровным. Не важно. Все это было не важно. Я выиграл раунд с шептуном – это было главным и ловил кайф от осознания этого факта.

Спустя несколько минут я смог немного успокоиться. Закрыл глаза и расслабился, занявшись самовосстановлением с помощью Мобра, а когда привел нервы в порядок и открыл глаза снова, то неожиданно обнаружил перед собой Целителя, с грустным видом разглядывающего меня со своего табурета. Встретившись со мной взглядом, Целитель тяжело вздохнул и неторопливо проговорил:

– Прямо скажем, неважно выглядишь. Ну да ладно, начнем. Я твой опекун на сегодняшний день. Здесь меня зовут...

– Целитель, – хрипло перебил я. – У тебя не найдется чего-нибудь пожрать?

7. Дос и Ко

Сказать, что он был удивлен, все равно, что ничего не сказать. Да он чуть не подпрыгнул на своем табурете! Но быстро справился с эмоциями и, выудив из-под куртки небольшой сверток и обшарпанную от долгого употребления пластиковую полулитровую флягу, протянул и то и другое мне:

– Я предвидел, что ты окажешься голодным. Держи.

Я с нетерпением развернул грязноватую тряпку и обнаружил ломоть плотного желтого вещества величиной с кулак, подозрительно смахивающий на кусок мыла. Запах также не внушал доверия, но вкус, когда я впился в эту штуковину зубами, оказался вполне сносным для человека, погибающего от голода. Уже с набитым ртом я поинтересовался, что это такое.

На круглом лице расцвела веселая ухмылка:

– У шелтян есть поговорка: «Жизнь двойственна, в Городе галты идут на обед нам, а за Городом галты обедают нами».

– Философы, мать их, – я фыркнул.

Я понятия не имел, как выглядят эти самые галты, на которых в окружающих Город лесах охотятся люди Линлана Холода, поэтому аппетита мне это не испортило. Да и горожане их едят и находятся в добром здравии... Выбирать не приходилось, а восстановить силы было просто необходимо.

Дожевывая жесткие волокна, я свернул тряпку и отдал Целителю вместе с опустевшей флягой. Пряный растительный напиток, которым пришлось запивать мясо, оказался весьма неплох на вкус.

– Маловато, Целитель. Еще пять таких «галтят» мне бы не помешали, – пошутил я.

– Нет проблем. Но прежде поговорим о деле... Как много ты помнишь о себе?

– Я ничего не забыл, Целитель.

Я вкратце рассказал о том, что мне удалось узнать, чтобы ему было легче восполнить недостающую информацию. Я до сих пор не понимал, что побуждало его помогать мне, но пока решил зачислить его в свои союзники. Без посторонней помощи в этом Городе я вряд ли обойдусь.

Когда я закончил, он покачал головой и задумчиво произнес:

– Такого еще не было, чтобы человек смог противостоять шептуну.

Я испытал прилив гордости за себя, но следующие слова коротышки заставили меня призадуматься:

– Послушай, Никс. Не знаю, почему победа над Бигманом не убедила Доса Пламя в том, что ты достоин частицы своей собственной памяти. Этому может быть тысяча причин, хотя бы та, что ему на данный момент не нужны новые помощники. Главное в том, что, по мнению осевого, замена состоялась, и тебе придется теперь вести себя так, словно она про-

шла успешно. Сейчас ты должен быть человеком, знающим только Город, и ничего, кроме Города. Твоего прошлого посылного больше нет. Иначе шептун возьмется за тебя по-настоящему и простерилизует твою голову до пустоты дебила. Все, что здесь от тебя требуется, – это способность трахать местных женщин для производства здорового потомства, а так как операция на памяти на ней никак не отразилась, то у тебя есть определенный шанс стать пустоголовым – фабером, ума которого хватает лишь для выполнения какой-нибудь несложной физической работы вроде рытья ям для жужжиков...

Со стороны могло показаться, что он разговаривает со мной о погоде – таким спокойным, ничего не значащим было выражение его лица. Но сердце мое тревожно сжалось, так как я уже знал, что умение контролировать себя внешне в этом Городе не гарантирует безопасности.

– Целитель, а ментаты? – нервно шепнул я.

– Все нормально, Никс. Сейчас я блокирую и свой, и твой мозг.

– Ты же не телепат?

– Да. Но моих способностей эмпата вполне достаточно, чтобы поставить блокировку. Пока я рядом, никому не будет известно о нашем разговоре. Проблема в том, что я не в состоянии находиться рядом с тобой все время, в Городе у меня есть свои дела и обязанности, и мне придется часто отлучаться. А ты свои мысли блокировать не умеешь, не так ли?

– Я могу ходить с тобой, – предложил я первое, что пришло в голову.

– Не выйдет, – коротышка отрицательно качнул головой. – У тебя тоже есть обязанности, которые тебе придется выполнять, хочешь ты того или нет.

– Ну, хорошо. Ты видел, как я справился с Бигманом, но что ты понял?

– Я уловил твои ощущения. Ты вдруг стал чем-то мощным, обладающим огромной силой... Бигман был перепуган до смерти, когда понял, что может умереть, но не понял почему. Фокус хороший, полагаю, этому непросто научиться, но что это даст тебе для ментальной защиты?

Я усмехнулся:

– Это не фокус. Это искусство, культивируемое на моей планете. При желании я могу на неопределенно долгое время перестать мыслить и чувствовать. В этом состоянии вряд ли кто сможет меня засечь. Но есть одно «но» – я должен быть в хорошей физической форме.

Он покачал головой:

– Нет, Никс, прекращение внутреннего диалога не избавит тебя от прослушивания. Разве что частично. Подсознательные процессы ведь ты погасить не сможешь, а хороший ментат всегда сможет их расшифровать. Настоящей же ментальной защите сразу не научишь... Да и сама попытка такой защиты будет подозрительна. Новичок не из шелтян, обладающий эмпатическими способностями...

– А как же тогда твое прикрытие? Разве оно не подозрительно?

– Я не просто прикрываю тебя, я еще создаю второй, ложный фон, – так, ничего особенного, мелкие мыслишки мелкого человечка. Что ж, придется подумать, как тебя отсюда вытащить поскорее.

– Кстати, – вздохнул я, несколько приуныв от сказанного толстяком, – спасибо за лечение. У тебя это отлично получается.

Он пренебрежительно отмахнулся:

– Прибереги свою благодарность для чего-нибудь другого. Эта работа доставляет мне огромное удовольствие, так что я имею с этого больше, чем ты.

– Не совсем понял, – я приподнял левую бровь. – Ты что, испытываешь удовольствие от чужой боли?

Явное неодобрение, проступившее в его глазах, заставило меня поспешно умолкнуть. Оскорблять его после всего, что он для меня сделал, я не хотел.

– Скажем так – от лечения этой боли, – сдержанно поправил он. – Чем больше повреждение живой ткани, тем большее удовольствие я испытываю при его устранении. Мои ощущения можно сравнить с работой реставратора, восстанавливающего древние, прекрасные произведения искусства. Особенно я кайфовал, когда вчера вечером заделывал дыру в твоей грудной клетке. Пришлось повозиться с твоим сердцем, оно напоминало раздавленное яйцо...

Я похолодел до кончиков пальцев, не веря своим ушам. Голова закружилась.

– Что?! О чем ты говоришь?

Он спокойно пожал плечами:

– Неудивительно, что ты этого не помнишь. Ты был практически трупом. Кенгш почти насквозь проткнул тебя своим излучателем. Чем ты его так разозлил?

Я уже вспомнил, уже вспомнил... Стоило Целителю только заикнуться об этом, и один из потерянных кусков памяти всплыл наружу.

Я вспомнил...

Страшную боль от удара прикладом, ввергнувшую меня в ад, а затем – мерзкую хватку шептуна... Меня передернуло от страха и отвращения, приступ неожиданной слабости заставил обессилено прислониться к стене за спиной и на минутку прикрыть глаза. Странная смесь чувств на мгновение стиснула сердце – благоговение перед способностями коротышки схлестнулось с инстинктивным ужасом. Минуты оказалось достаточно, чтобы я подавил и то и другое и снова открыл глаза.

– Так ты спас мне жизнь? – Я глубоко вздохнул, словно выбрался на поверхность со смертельной глубины. Если подумать, то так оно и было.

Его взгляд был каким-то странным:

– Возможно. Но речь сейчас не об этом. Тебе нужно как можно скорее покинуть Шелту...

– Я желаю того же.

– Это будет непросто.

– Догадываюсь. Недавно, кстати, ты предрекал, что мне придется привыкать к местной жизни.

– Не думал, что останешься самым собой. Как видишь, обстоятельства изменились. Да и потом, я уже давно не развлекался как следует. – Он добродушно усмехнулся.

– Не вижу в моем побеге ничего забавного.

– Для тебя, может, ничего забавного и нет... Ладно, теперь вот что. До вечера тебе придется просидеть здесь, делая вид, что ты себя очень скверно чувствуешь. После замены это будет выглядеть вполне естественно и никого не удивит. С толкучки в Город выходить не следует.

– Заметано.

– Так как у тебя есть банкос, ты автоматически попадаешь в разряд банкносцев, стоящих выше фаберов, поэтому в случае чего веди себя соответственно...

– То есть могу дать по зубам как фаберу, так и банкносцу? Кстати, мой банкос пуст, и я...

– Главное – сам факт, что он у тебя есть. Банкос здесь самая важная ценность после жизни. Без него шелтянин просто ничто – фабер, не имеющий никаких прав. В том числе и права отказаться от предложенной работы.

Я понимающе кивнул в ответ на его многозначительный взгляд.

– Этим же вечером мы двинемся отсюда.

– Те же мысли приходили и ко мне, – кивнул я. – Но хотелось бы знать, из каких соображений исходишь ты? Почему вечером? Не подумай, я не сомневаюсь, что здешнюю обстановку ты знаешь лучше...

– Приятно иметь дело с сообразительными людьми, – Целитель удовлетворенно хмыкнул. – Чем дольше ты будешь здесь оставаться, тем меньше шансов у тебя будет скрыть свою сущность, верно? Значит, даже вечер – уже большой минус. Логичнее было бы рвануть прямо сейчас, тем более что в день после замены новичка стараются оставить в покое, чтобы дать ему время акклиматизироваться в своем новом качестве уроженца Шелты.

– Что же нам мешает? – нетерпеливо спросил я, предвзято его вопрос.

– Дос Пламя, – многозначительно произнес коротышка как заключительный аккорд своей речи. Из него вышел бы неплохой актер.

– Дос Пламя, – повторил я с некоторой досадой. – Ну и? Не тяни кота за хвост.

– Дело в том, что осевой всех новичков проверяет в первый же день. Если тебя не будет на толкучке, то сразу начнется поиск.

– Проклятие! – Я невольно поежился. – А если он вычислит мое истинное «я»? Может такое произойти, несмотря на твою защиту?

– Тогда, если под рукой не окажется шептуна, чтобы вы-

скоблить тебе мозги снова, он тебя просто прикончит, – спокойно сообщил Целитель. – Совладав с заменой, ты стал для Города опасен. Только я сомневаюсь, что он сможет пробить мою защиту. Честно говоря, он ее даже не ощутит, настолько она хитра. Для отвода глаз я скопирую мысленный фон какого-нибудь местного дебила и наложу на твой. И если ты сыграешь как надо, мы покинем Город этим же вечером. В это время шелтяне больше будут заботиться об ужине, постели и женщине на ночь, чем о своих обязанностях перед осевым.

– Вот как... И когда же Дос появится?

– А он уже здесь, – так же спокойно сообщил толстяк. Подхватив свой табурет, он шустро пристроился около стены рядом со мной, переводя себя в разряд зрителей.

Я быстро окинул площадь встревоженным взглядом, но ничего нового для себя не заметил.

Но вот шум на толкучке неожиданно прекратился, словно щелкнул невидимый переключатель, и в наступившей тишине послышался шум двигателей. Они вынырнули из-под арки проезда, единственного выхода с толкучки, окруженного глухой каменной стеной зданий, – два трассера, приземистые, просторные машины на воздушных подушках, и понеслись к стремительно обезлюдевшему центру площади. Торговля была остановлена, прилавки опустели, люди разбежались к стенам.

Я присвистнул:

– Судя по реакции горожан, ваш осевой какой-то монстр,

от которого надо держаться подальше.

– Угадал, – с едва заметной улыбкой ответил коротышка.

Трассеры резко затормозили, двигатели заглохли. Когда пыль осела, я смог рассмотреть новоприбывших. Внимание сразу же привлек красавчик, расположившийся на заднем сиденье первой по ходу машины, в одежде темно-синего цвета. Волевой подбородок высокомерно вздернут, короткие пепельно-серые волосы тщательно прилизаны, на холеном лице полное равнодушие. Плащ без каких-либо украшений, но видно, что ткань добротная, дорогая, не то что у местного люда. А изящная темно-синяя шляпа, украшенная большим белым пером неведомой птицы, наверняка вызывала повальное восхищение и зависть окружающих. Соро, – подкинула в сознание замена. Здесь эти широкополые шляпы назывались соро. Ледяное спокойствие, сочившееся из его бледно-голубых глаз, исходившее от его неподвижной фигуры, казалось, замораживало вокруг сам воздух. Впечатление этот человек производил сильное, в нем чувствовалась сила и власть, и, вне всяких сомнений, он и был осевым. Правда, его облику больше подходило имя осевого охотников – Линлана Холода, чем Доса Пламя.

Рядом с ним сидела женщина – длинные, до плеч каштановые волосы, голову тоже венчает шляпа, но поменьше и попроще, женский вариант (дань местной моде), лицо прикрыто спадающей с полей темной вуалью...

Во второй машине было значительно оживленнее, в ней

расположились телохранители. Вместе с водителем их было четверо, и одного из них – здоровенного громилу в кожаной безрукавке, щеголявшего шишковатым бритым черепом (он единственный оказался без неизменного для шелтян со-ро), рядом с которым остальные профи, несмотря на свои солидные габариты и рост, выглядели зелеными сопляками, я узнал. Именно этот парень чуть было меня не прикончил вчера... Нет. Именно этот парень прикончил меня вчера, и если бы не толстячок...

Гнев зашипел внутри, словно раскаленные уголья, на которые ненароком попали капли холодной воды. Небрежно развалившись на сиденье рядом с водителем, здоровяк неторопливо тянул из горлышка огромной пластиковой бутылки какое-то питье. Остальные профи настороженно шарили глазами по толкучке, выполняя свои профессиональные обязанности.

– Это и есть Кенгш? – я с ненавистью дернул подбородком в сторону амбала.

– Верно. Первый помощник Доса Пламя. Но сейчас постарайся разговаривать как можно меньше и как можно тише.

Я открыл рот, но осекся, так и не произнеся ни звука, вдруг обнаружив, что являюсь объектом внимания одного из профи. С минуту он пристально разглядывал меня, затем в воздухе над его головой возникла толстая двухметровая стрела, красная, как свежая кровь. Несколько секунд изображение колебалось, пока профи-кукольник его настраи-вал,

затем медленно поплыла над площадью... ко мне.

Ничего хорошего это не предвещало.

– Спокойно, – тихо посоветовал Целитель, предварив мой вопрос, – обычная проверка новичка. Сиди тихо.

Стрела подплыла и уперлась мне в грудь. Всего лишь фантом, голограмма, созданная мозгом кукольника... Но где-то глубоко внутри возник неприятный холодок.

– Проверьте, как там у инопа дела, – донесся от трассера голос Доса Пламя, бесцветный, как дистиллированная вода.

«Иноп»? Я внутренне сжался. Почему он назвал меня инопом? Неужели он знает, что я воспротивился замене? Проклятие, да это же элементарная проверка. Надо просто сделать вид, что я полон недоумения от подобного обращения...

Помощник Доса, Кенгш, молча положил лапу на плечо водителя, но Дос остановил его едва заметным движением руки. Спутница осевого наклонилась к нему и что-то сказала. Дос кивнул, послышался щелчок открываемой двери, и женщина выбралась из трассера.

– Кто это? – шепнул я.

– Понятия не имею. – Целитель хмыкнул: – Осевой подцепил ее где-то вчера, она не из местных.

– Не лучше ли будет, если я сам подойду к Досу?

– Ни в коем случае, – быстро ответил толстяк. – К осевому нельзя приближаться без его разрешения. Иначе – умрешь.

Незнакомка несколько секунд постояла неподвижно,

словно предоставляя возможность полюбоваться своей статьёй, затем неторопливо направилась ко мне. Сотни глаз расположившихся возле стен портовиков с похотливой завистью ели стройные, обнаженные до бедер ноги женщины, следуя за ней как намагниченные по мере ее продвижения, но она не обращала на это ни малейшего внимания. Элегантный костюм цвета свежей соломы сидел на ней так, словно она в нем родилась, причем длина юбки была столь мала, что это вызывало в рядах шелтян заметное волнение. Еще бы. Я их понимал. Ее ножки мне понравились не меньше, чем портовикам. По сравнению с местным затасканным и грязным женским мясом эта женщина выглядела сказочной королевой. Двигалась незнакомка непринужденно и уверенно, и, силы Зла, кого-то мне напоминала.

Она остановилась против меня, не дойдя всего двух шагов.

Я подумал, что разговаривать с дамой сидя будет невежливо, и поднялся с табурета.

– Сидеть! – рявкнул сбоку коротышка.

В ту же секунду рядом с представительницей Доса с громким хлопком возник один из его профи, телепортировавшись прямо от машины, и ствол его «смерча» жестко уперся мне в грудь.

Я не успел даже испугаться, настолько быстро это произошло.

– Нет, – властно произнесла женщина, и от звука ее голоса

сердце у меня чуть не выпрыгнуло из груди, а мысли в голове оцепенели – я узнал ее!

– Нет, – повторила она чуть резче, и угрюмый мускулистый детина убрал излучатель. – Ты не нужен.

Хлопок. Профи исчез.

– Нори, – с изумлением прошептал я, – Что ты здесь делаешь?

Я чувствовал ее взгляд, устремленный на меня сквозь темную вуаль.

– Прекрасно, – ровно сказала она после небольшой паузы. – Я рада, что ты справился с заменой.

Попался.

В лицо бросилась кровь с досады на собственную глупость. Ведь я не знал, как она здесь оказалась. Какие бы у нас ни намечались взаимоотношения на «Войере», ее присутствие на этой площади в качестве человека Доса коренным образом меняло все. Если она действительно человек Доса, а не его пленница, – а уверенное поведение Нори указывало именно на это, то я пропал... но как же все это понимать?!

Но Нори вдруг тоже перешла на шепот:

– Слушай внимательно, Никс. После отъезда Доса постарайся добраться до Межкабака. Думаю, мы сможем помочь друг другу.

Закончив реплику резким характерным разворотом, таким же, как в космопорте при прощании, она стремительно

зашагала обратно. Пряди каштановых волос, выбиваясь из-под соро, запрыгали на спине в такт шагам.

Я медленно опустился на табурет, пытаюсь привести мысли в порядок. Сердце мое от волнения билось гулко и неровно. Дверь хлопнула, и Нори снова оказалась в машине. Дос Пламя, перекинувшись с ней парой слов, потерял ко мне видимый интерес.

– Крутая девочка, – невозмутимо прокомментировал Целитель. – Кажется, у нас возникли новые проблемы?

– Да. – Я нахмурился: – Она сказала, что ей нужна моя помощь... Не могу только понять, почему она так откровенничала при тебе. Откуда такая уверенность, что ты ее не выдашь, если она тебя не знает?

Целитель улыбнулся:

– Ничего удивительного. Довольно многие в этом Городе знают, что я помогаю новичкам – тем, которые этого стоят.

– Что? – я недоверчиво уставился на него. – И ты все еще жив?

Он неожиданно рассмеялся – негромко и язвительно.

– Должен сказать тебе одну вещь, Мастон Никс. Никто со мной здесь не может справиться. Уже были попытки, но, увы, ничего не вышло. Ни у осевых, ни у самого координатора. И поэтому меня просто оставили в покое, тем более что я приношу шелтянам неоценимую помощь, излечивая их от всевозможных болезней и не требуя за это никакой платы. Так как платой для меня является уже само лечение. Мне здесь

нравится, покидать это место я не собираюсь, и координатор это знает.

– Вот так новости! – Я не мог отвести от него глаз, не в силах поверить своим ушам. – Кто же ты на самом деле, Целитель? Одиночка может противостоять целому Городу, только обладая поистине потрясающими способностями...

– Кто я, кто я... – проворчал Целитель. – И всем это надо знать. Я – путешественник. Раса моя исчезла так давно, что имя ее неизвестно разумным существам, населяющим эту Галактику, так что нет смысла и называть его. Трудно назвать планету, на которой я не побывал в своих скитаниях, а та, откуда я пришел, давно исчезла в пожаре древней войны, поэтому не буду говорить и о ней. Достаточно? Или еще есть вопросы?

Ошеломленный, я неподвижно смотрел в круглые желтые глаза этого существа, глаза с вертикальными зрачками, и правда его слов медленно доходила до моего сознания.

– Так ты – чужой?! – прошептал я наконец.

Пухлые щеки Целителя затряслись от смеха. Он поднял правую руку, и у меня на глазах она начала изменяться, плавиться разогретым воском, перетекая в другую форму и меняя цвет. Короткие толстые пальцы похудели и вытянулись почти втрое, мизинец слился с безымянным, ногти трансформировались в острые изогнутые когти, отсвечивающие сталью. Всего несколько секунд – и вместо розовой, пухлой и вполне человеческой пятерни передо мной предстала жуткая

четырехпалая кисть, обтянутая черной блестящей кожей.

Я с усилием оторвал от нее взгляд и заставил себя посмотреть в желтые нечеловеческие глаза коротышки.

– Ну конечно, дурачок, – осклабился Целитель, обнажая выросшие вдруг ровные ряды острых белоснежных клыков. – Я – чужой.

8. Урок повиновения

Жуткое видение длилось не дольше нескольких секунд, а затем словно подернулось пеленой, и передо мной предстал прежний Целитель – толстощекий коротышка в зеленой одежде гнома. Вот только его необычные глаза теперь красноречиво напоминали о том, кто он такой на самом деле, напрягая невидимые струнки опасности в моем подсознании.

– Подумав, я нахожу теперь, что твоя маскировка несколько неудачна, – тщательно проговаривая каждое слово, чтобы не запнуться – шок еще не прошел, проговорил я. – Маленький рост еще пустяки, может, тебя в детстве уронили вниз головой, но вот эти странные глаза...

– Это не маскировка, – посмеиваясь, возразил он. – Мне нечего здесь опасаться. Глаза и рост – это мой имидж. С таким же успехом я могу принять любую внешность. Тем более ты все равно не догадался, кто я такой, пока я тебе не показал.

Я кивнул:

– Понятно. Кстати, как давно ты здесь?

– Скажем так: очень, очень давно.

– Хм... В таком случае о тебе здесь уже наверняка ходит десяток-другой легенд, а? – предположил я.

– Может быть. Меня это мало волнует.

– А все-таки, почему такой вид? Под человека?

Он хмыкнул:

– Чтобы меньше шокировать тебе подобных, конечно. Кстати, она действительно тебе так нужна, эта женщина? Тебя одного я мог бы вытащить из Города уже сегодня вечером, но с ней...

– Я должен ей помочь, Целитель. Думаю, она попала сюда... из-за меня. – Это признание далось мне нелегко.

– Почему ты так считаешь? Несколько минут назад ты даже не знал, что она здесь. И я что-то не заметил, что она плохо себя здесь чувствует. Она пользуется определенным влиянием... на Доса Пламя. И всего-то за один день, а?

– Уж не хочешь ли ты сказать, что для этого ей пришлось переспать с этим ублюдком?! – мгновенно взъярился я.

– Ты услышал в моих словах то, чего там не было и в помине, – с укоризной ответил толстячок.

Я сразу остыл. Верно. Я высказал лишь свои грязные мыслишки. Нори чиста передо мной, пока я не получу четкие доказательства обратного. Но... О небо! Какой же я засранец! Какое я имею право чего-либо требовать от нее? Кто я такой для нее? Какой-то зачуханный посыльный, валяющийся на вонючей земле толкучки. Она может переспать хоть со всем Городом, если посчитает нужным, это ее личное дело. И если я чем-то мог ей помочь... Что ж, я буду счастлив сделать это для нее, хотя бы в благодарность за те дни, что провел в ее обществе на «Войере».

– Она должна была улететь, Целитель, – с деланным спо-

койствием проговорил я, констатируя факт. – Она проводила меня до космопорта и должна была вернуться на корабль. Мы простились, она пошла обратно по защитной пластиковой кишке, скрылась за поворотом, а я стоял и как последний болван слушал, как стартует космолайнер, на котором она должна была улететь. Но не улетела.

– Сдается мне, что ты изо всех сил стараешься уверить себя в том, о чем говоришь, – заметил Целитель.

– Нет... – Я хмуро уставился в землю. – Понимаешь, я услышал рев стартующего космолайнера почти сразу, как она скрылась из виду. Странно, что я тогда не заметил этой накладки...

– Ты имеешь в виду, что она просто не успела?

– Да. И пока я стоял и болтал с мерзавцем кассиром, эти дерьмовые портовики силой уволокли ее в Город... – Я скрипнул зубами. – Ну да, им ведь нужны не только полноценные мужики, но и женщины, способные рожать!

– Ты излишне возбужден, – предостерег Целитель. – Твой вид и твои эмоции могут привлечь внимание. Дос Пламя еще здесь.

Совет был разумным во всех отношениях, и я заставил себя расслабиться. Затем, уже немного успокоившись внутренне и нацепив невозмутимый вид внешне, я негромко поинтересовался:

– Теперь ты понимаешь, почему я должен помочь Нори?

– Тебя не смущает тот факт, что в отличие от тебя она

спокойно разъезжает с Досом как равная? – вопросом на вопрос ответил Целитель.

– Не считай меня за идиота. Я это заметил. Но у меня слишком мало информации, чтобы делать выводы. Да и потом, ваш осевой тоже человек и ему могла понравиться красивая женщина. И это вовсе не значит, что она... – Я умолк, борясь со вновь вспыхнувшим гневом и страхом... страхом за Нори. Какой бы самостоятельной и уверенной в своих силах она ни казалась, она – девушка... Что этот мерзавец с ней сделал?

– Ладно. И как же ты сможешь ей помочь?

– Хотел бы я это знать... Буду действовать по обстоятельствам. Знаю, знаю, что ты хочешь сказать: мне самому нужна помощь. Но я хочу хотя бы попытаться, Целитель...

– Погоди-ка, – перебил он мои сбивчивые излияния, – похоже, кто-то из подданных опять не угодил осевому.

Двое летунов в этот момент волокли за собой по воздуху, к центру площади, третьего, беспомощно болтавшегося в их руках. Я узнал его, но ощутил отнюдь не сочувствие, а мелкое подленькое злорадство. Допрыгался, летун. То бишь долетался.

– Тот самый старик, что пытался вчера выудить у меня деньги перед охотой... Что Дос с ним сделает?

– Увидишь.

Лаконичный ответ Целителя показался мне дурным знаком, да и обычную живость с него как ветром сдуло.

За несколько метров от трассера Доса старик неожиданно завизжал и забрыкался, пытаясь вырваться, но летуны тут же заставили его успокоиться градом оплеух.

Щелкнула дверца. Медленно, с полным сознанием власти над своими людьми осевой вышел из трассера. Ростом он был не выше, чем я. Сцена для меня разворачивалась под углом, позволявшим видеть всех одновременно, правда, летунов я больше «лицезрел» в спины, чем в профиль, зато Доса Пламя – в лицо. Кенгш, кстати, тут же оказался рядом со своим шефом, удивительно ловко, одним движением переброшив свою громадную тушу через борт трассера и в два мощных бесшумных прыжка преодолев разделявшее их с Досом расстояние. Преданный пес, готовый отразить любую опасность, угрожающую его хозяину. Я люто ненавидел этого подонка за покушение на свою жизнь и не собирался отказываться от своей ненависти. Если мне представится случай навредить этому поганцу, то я сделаю это с большой охотой.

– Так ты хотел испортить нам охоту, старый безмозглый идиот? – Безжизненный взгляд осевого впился в старика, обреченно повисшего перед ним в руках конвоиров. Тишина на площади была такая, что каждое слово Доса Пламя словно падало в бездонный колодец, дробясь мелким многократным эхом.

– О нет, нет, – восторженно вскрикнул старый летун, – нет, осевой. Я пытался только пошутить с инопом, немного развлечься до охоты... Мне бы и в голову не пришло

нарушить наши законы!

– Больше не придет, – низким, мощным голосом заверил его Кенгш. Подняв мускулистые руки, он демонстративно примерил их к шее летуна, тощей, как обглоданная кость.

– Нет, нет, нет! – истерично завопил старик. – Ты ошибаешься, осевой! Я верен тебе до кончиков ногтей! Пощади, пощади, прошу тебя!.. Пощади-и!

Я не понимал, что должно было произойти, но у меня мурашки по коже побежали от отчаянного крика старика. Это был крик обреченного на смерть. И взгляд Доса Пламя, направленный на приговоренного, был страшен – мертвый, тяжелый, давящий взгляд без проблеска мысли...

Шелтянин завизжал и задергался, пытаясь высвободиться из живых оков. Если бы я не видел, что его просто держат за руки, то подумал бы, что его разрывают на части. Неожиданно он рванулся с такой силой, что протащил за собой конвоиров на несколько шагов, прежде чем один из них утихомирил старика, ударив рукояткой излучателя по шее. Бездна отчаяние смогло придать сил даже такому тщедушному телу, но и это его не спасло. Не собираясь больше давать ему шансов причинять себе беспокойство, а более того – впасть в немилость к Досу Пламя, конвоиры растянули старика за руки в стороны, буквально распяв в воздухе. Но тот уже обмяк, рывок отнял у него последние силы к сопротивлению.

Дос за все это время не шелохнулся. Лишь бледно-голубые глаза продолжали сверлить жертву. Я почти физически

ощутил сгустившееся над толкучкой напряжение, повальный людской ужас. Сотни глаз портовиков были устремлены в одну точку – на летуна, все дела были забыты, разговоры оставлены.

Силы Зла, да что все это значит?

– Целитель, – не утерпел я, – что Дос хочет с ним...

– Молчи, – неожиданно жестко оборвал толстяк, не отрывая взгляда от Доса.

В сильном раздражении я уставился туда же. Мысли Зла, ну и что я должен был увидеть? Ну распяли этого несчастного, ну смотрит на него Дос так, что готов убить взглядом, ну...

В этот момент я заметил, что тело старика мелко задрожало, а от его головы и плеч вверх потянулись серые струйки...

Я поспешно протер глаза пальцами, встряхнул головой. Кажется, немного переутомился. Немудрено, если столько времени смотреть в одну точку, то и не такое может показаться.

Взглянул снова... И изумленно подался вперед:

– Что такое, Целитель? Он же...

Пальцы Целителя с неожиданной силой впились в плечо словно стальные клещи, пригвоздив к табурету.

– Заткнись, Никс, – прошипел он, сердито сверкнув глазами. – Сиди смирно и смотри, если не хочешь для себя такой же участи. Это хороший урок, и теперь ты будешь ясно себе представлять, что может повлечь за собой любая твоя

ошибка.

Его злость проняла меня больше, чем его речь, так как злым я видел его в первый раз с момента нашего знакомства.

Сомнений больше не оставалось – уже было ясно видно, что тело летуна дымится, словно сырой хворост, не желающий разгораться.

И тут старик вспыхнул. Спина его выгнулась дугой, повернув ко мне озаренное пламенем, искаженное адской мукой лицо, но из сведенного криком рта не вырвалось ни звука. Пламя полыхнуло ярче, и все тело полностью скрылось под его покровом, оплетенное длинными желтыми живыми языками. Старик превратился в факел, корчащийся от нестерпимого внутреннего жара. Когда огонь по его рукам добрался до рук конвоиров, они разжали пальцы, и бесформенный ком, бывший только что живым человеком, рухнул вниз. Пламя загудело с удвоенной силой, стремительно пожирая плоть и исторгая в небо струи черной жирной копоти.

Летуны отлетели подальше.

Наконец пламя начало затихать. Дос Пламя отвел смертоносный взгляд и неторопливо уселся в машину. Кенгш, копируя манеру поведения босса, также неспешно вернулся в свой трассер, заставив его тяжело вздрогнуть от веса своей туши, брошенной на заднее сиденье.

От казненного осталась лишь грудa слабо дымящегося пепла.

– Силы неба! – выдохнул я, потрясенный до глубины ду-

ши. Картина жестокой и безнаказанной расправы вызвала гнев и отвращение. И страх. Страх и тоскливое ощущение собственной незащищенности. Дос обладал способностью сжигать силой своего мозга все, на что падал его убийственный взгляд... Пирокинетик...

– И Линлан Холод? – вырвалось у меня.

– А как ты думаешь?

Раса мутантов, с содроганием думал я. Какие еще сюрпризы они приготовили для меня? Хотя бы второй осевой – как выглядит его способность, отраженная в его имени?

– И ты ничего не мог сделать... Целитель?

– Послушай, ты ищешь моей помощи или своей смерти? – ответил он вопросом на вопрос.

Все верно, мрачно согласился я про себя. Вопрос был глуп, но я ничего не мог с собой поделать, чувствуя в гибели летуна и свою вину, пусть косвенную...

Этот осевой просто болен, решил я. Голова у него не в порядке. Нормальные люди не станут делать таких вещей. Подобная сила должна накладывать ответственность, а не вседозволенность...

– У нас опять гости.

На площади появился еще один трассер. Он выскочил из-под арки и, на приличной скорости проглотив расстояние до машин Доса Пламя, резко затормозил.

Двое странного вида людей вышли из трассера и подошли к осевому. Но еще раньше около своего шефа материали-

зовался Кенгш, выскочив, как чертик из коробочки, – парень отлично справлялся со своими обязанностями. Высокие фигуры новоприбывших почти до пят окутывали плащи из блестящего ярко-красного материала, лысые желтые чепепа тускло отсвечивали в сером свете дня. К поясам, перетягивающим плащи, с левой стороны были подвешены короткие стальные клинки в ножнах – распространенное явление на некоторых отсталых планетах, входящих в Коалицию Независимых Миров, объединение, противостоящее ГФМ.

Дос смотрел куда-то перед собой, не достаивая пришельцев взглядом.

– Кто это, Целитель?

– Фрайдены. Телохранители координатора.

– Дос Пламя, – небрежно обратился один из фрайденов к осевому. – Шефира беспокоит, что ты не слишком бережешь своих людей. Что ты скажешь на это?

В пальцах Доса возникла сигарета, кончик которой сам собой задымился. Он затянулся.

– Это мои люди, – равнодушно ответил он, выдыхая кольца сигаретного дыма.

– Не только твои, Дос, – с оттенком угрозы возразил второй фрайден. – В первую очередь это люди координатора, а уже потом – твои. Координатор недоволен тем способом, которым ты наказываешь провинившихся. Было бы лучше, если бы ты отдал этого человека слухачу дорриксов. Их слуги постоянно голодны.

Я уж было подумал, что нашлась и на Доса управа, а оказалось, координатора беспокоит не жизнь этого несчастного летуна, а вид его смерти. По его разумению, было бы лучше скормить его инопланетному зверю, выполнявшему у дорриков-шептунов ту же роль, что у человека собаки... Как же, пропадает такая куча продовольствия... Твари. Мерзкие твари.

– В следующий раз я так и сделаю, – так же равнодушно согласился Дос, делая очередную затяжку.

Так же стремительно, как и прибыли, фрайдены забрались обратно в трассер и укатили прочь. Дос так и не переменил своего положения, а Кенгш в очередной раз расслабился и вернулся на место.

Оперативность вмешательства слуг координатора в дела осевого оказалась на высоте, что было неудивительно, – все-таки это была планета ментатов. И человек, стоявший во главе этого общества, должен быть сильнейшим из всех по психическим способностям.

– Они не слишком церемонились с осевым, – поделился я с Целителем своими наблюдениями.

Целитель кивнул:

– Им нечего бояться. Кроме самого координатора, ни один человек не способен справиться ни с одним из фрайденов, а их здесь, под командой Шефира, шестеро.

– И чем же они так хороши, эти лысые, как высохшее полено, фрайдены, что с ними никто не в силах справиться?

– Твоя язвительность лишь от недостатка информации, Никс. Фрайдены славятся своей реакцией. В случае опасности эти ребята двигаются быстрее молнии и способны избежать любого удара, даже не просыпаясь. Никто никогда еще не видел мертвого фрайдена, считается, что они умирают только на своей планете и только от старости.

– Круто, – сказал я, испытывая одновременно недоверие и уважение к сказанному о фрайденах. – А почему они выглядят как люди? Или это такая же личина, как и у тебя? – Меня уже трудно было чем-то удивить.

– Да нет, это их настоящий облик. Согласен, можно спутать с людьми, но по своей сути они такие же чужие, как и я. А теперь, Никс, попробуй заняться своими мыслями, а я займусь своими. Мне нужно кое-что обдумать.

Я внимательно посмотрел на него. Что-то его сильно заботило, судя по его хмурому виду. Может быть, организация моего побега оказалась сложнее, чем он вначале предполагал?

– Хорошо, хорошо. Ответь только на последний вопрос: какого Зла Дос здесь еще делает? Проверка проведена, казнь неугодного свершилась. Что ему еще надо?

– Не знаю. Возможно, Дос кого-то ждет. Какая разница? Нам пока некуда торопиться.

– Ты забываешь о предложении Нори, – напомнил я, – Мне необходимо, чтобы осевой убрался. Чтобы слинять самому.

– Я тебя прошу, Никс, помолчи.

Я внял его просьбе. Мне тоже было о чем подумать. Хотя бы о тех туманных видениях, проступивших во время попытки стирания памяти. Непонятная череда образов – замок со сверкающими залами и слуги, снующие по ним с подносами, лорд, отдающий распоряжения, лицо которого показалось мне знакомым. И плюс ко всему жуткое слово «имплантация». То, что на Нове-2 делают с преступниками. Так как во время замены, несомненно, обнажались самые глубинные слои памяти, все это должно было каким-то образом привязываться к действительности.

Это-то меня и беспокоило. Не хотелось даже допускать такой мысли, но, может быть, в прошлом я был преступником? И какое-то время отбывал срок в личине слуги у какого-то лорда Никсарда? Никсард, Никсард... Я уже где-то слышал это имя, но не мог припомнить где... Несколько минут я напрягал память, перебирая воспоминания последних дней, затем плюнул на это безнадежное дело и задумался о Нори. Здесь для воспоминаний никаких преград не было, особенно о том времени, когда я с ней познакомился.

Инициатива знакомства, кстати, была ее. Кратковременные связи в тесном мирке пассажирского корабля вообще-то не редкость, но я был приятно удивлен, когда красивая незнакомка с точеными, пусть и не совсем идеальными чертами лица со скучающим видом спросила мое имя. Фигурка и формы у нее, надо сказать, были что надо. И общий язык

мы с ней нашли довольно быстро и скоро болтали о том о сем как добрые старые знакомые. С ней приятно было проводить время. Я даже не заметил, как увлекся ей больше, чем требовалось посыльному, совершающему служебную поездку, и понял это только тогда, когда нам пришлось расстаться. Лишь после этого я нашел силы признаться себе в том, что со своими неотесанными манерами бывшего фермера был для этой молодой, обаятельной и соблазнительной аристократки с Тавеллы лишь забавной игрушкой, спасшей ее от скуки. Но мне было на это наплевать. Я был благодарен ей даже за те впечатления, что получил от общения с нею. И еще я немного жалел, что так и не осмелился пригласить ее в свою каюту. Говоря проще – затащить в постель. Наши отношения мне тогда казались чуть выше всего этого, и я боялся разрушить некое едва уловимое очарование, налет влюбленности, что ли, который ощущался в наших словах и жестах, обращенных друг к другу... Но это было тогда. А сейчас мне все это казалось сентиментальной чепухой.

Одна очень нехорошая мысль заставила меня нахмуриться, грубо вернув к действительности. Вполне возможно, дошло вдруг до меня, что именно насмешки Нори над чужими на «Войере» и завели меня на Шелту...

Я попытался отыскать в себе гнев и не обнаружил его.

Наверное, исчерпал лимит на сегодняшний день. В конце концов, она тоже оказалась здесь, и ей могло достаться не меньше моего. Что стоило местным скотам хотя бы ее просто

изнасиловать? Нет, я не хотел об этом думать. Они не посмеют ее коснуться, иначе... Иначе что? Я горько усмехнулся. Что я мог сделать Досу Пламя, положившему на Нори глаз? Только попытаться увести ее, украсть. В прямом столкновении с осевым я неизбежно проиграю, удоблив Шелту еще одной кучкой пепла...

– Целитель... Извини, что прерываю твои мысли... Ты покажешь мне, где находится Межабак?

– Почему бы и нет? – он откликнулся сразу, словно с нетерпением ждал моего вопроса. – Это будет почти по пути к космопорту. Меня лишь удивляет, что казнь летуна не убедила тебя оставить эту мысль...

– Наоборот, Целитель. Это представление укрепило меня в моем намерении забрать эту девушку с собой. Я не желаю оставлять ее в руках сумасшедшего.

– Прекрасно, Никс. – Целитель недовольно сморщился. – Но учти: для меня все это – лишь забавная игра. Для тебя же это может кончиться смертью. Можно сказать, мы в разных весовых категориях, и причины действовать согласованно у нас также различные. Поэтому если Дос превратит тебя в жаркое, то даже моих способностей не хватит, чтобы спасти тебя и на этот раз. – Он задумчиво потеревил пухлый подбородок. – Давай поступим так. Ты забудешь на минутку об этой девушке, и я снова предложу тебе выбраться из Города одному...

– Нет, – твердо сказал я, одновременно думая, что, навер-

ное, я все-таки кретин. – Я не буду менять своего решения, Целитель. С тобой или без тебя – я попытаюсь это сделать.

– Благими побуждениями вымощена дорога в ад, – про-
бормотал он, скосив на меня желтый глаз. – Тебе знакома эта
прописная истина, выведенная людьми?

Но я его уже не слушал, так как на толкучке появился но-
вый гость, сразу приковавший все мое внимание своим об-
ликом. При виде этой высокой, худой как жердь голубой фи-
гуры, выплывшей из-под арки, мне почему-то вдруг стало
жарко, хотя секунду назад я ежился от сквозняка, тянувшего
из проезда. Горячая волна побежала от макушки вниз по
спине, к ногам, и угасла в пятках.

Реакция узнавания. Я узнал его раньше, чем понял это. А
потом осознал, что на место вернулся еще один кусок памя-
ти.

9. Найм

Да-да, это был тот самый чужой, с которым я вместе добрался до Города. Кажется, этот парень называл себя Нкотом...

Меня поразило, что этот Нкот до сих пор беспрепятственно бродит по этому зловещему городу и на него еще не устроили охоту. Это говорило о многом. В первую очередь о том, что он – очень сильное и неуязвимое существо, вроде Целителя. Именно таким он показался мне при первой встрече, и первое впечатление не обмануло. Но был и еще один вариант... Во мне вдруг проснулись самые тяжелые подозрения. Чужой мог беспрепятственно разгуливать по Городу и в том случае, если работал на осевых или координатора. И именно он, телепат, мог поработать с моей памятью, заставив сойти с корабля против моей воли. Его слова о том, что он появился на планете каким-то особым способом, могли быть обыкновенной ложью. Предупреждение о Городе – забавой. Он говорил... он говорил...

Слова Нкота вдруг отчетливо зазвучали рядом, так, будто я снова оказался в том челноке, во вчерашнем дне: «...во-первых, Город мне не страшен, потому что на этой планете существует единственная сила, способная меня остановить. Природа ее тебе неизвестна, поэтому распространяться о ней я не буду. Во-вторых, намерения неизвестной мне

пока силы завлечь тебя в Город в данный момент совпадают с намерениями моими, поэтому мне незачем желать, чтобы ты повернул обратно. Но так как жизнь твоя мне еще может понадобиться в дальнейшем, я счел нужным предупредить тебя об опасности...»

Силы неба, что все это значило? Этот тип, пришел по мою душу?!

Целитель вдруг вскочил, словно подброшенный невидимой пружиной. От мгновенной и разительной перемены, что произошла с его лицом, у меня прямо мороз по коже подрал. Желтые глаза потемнели до угольной черноты, уголки толстых губ приподнялись в зловещей улыбке, обнажив острый оскал клыков, – убийца, увидевший свою жертву.

– Да сегодня день посещений, – свистящим шепотом произнес он, перемещая взгляд за чужим, неторопливо скользившим к Досу Пламя. Именно скользившим – не было заметно, чтобы под ниспадающим до земли голубым плащом тот передвигал ноги. Плащ свисал как колокольчик, и под чужим будто расстилалась наклонная ледяная поверхность, а не грязный, загаженный пластик площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.